Сборникъ

„АРТЕЛЬ“

1909 г.

Типографія Е. В. Келеръ. Мясницкая, д. Сытова.

МОСКВА.

ОТЪ „АРТЕЛИ“.

Мы, любя русскій языкъ и литературу, рѣшили издавать сборники произведеній подъ наименованіемъ „Артель“.

Количество такихъ сборниковъ, срокъ выхода ихъ, стоимость и проч. — все зависитъ отъ успѣха ихъ и того вниманія, которое общество окажетъ „Артели“. Сборники предполагаются нечуждыми и всевозможныхъ спеціальныхъ вопросовъ, но при необходимомъ условіи общедоступности ихъ. Въ нихъ найдутъ себѣ мѣсто и переводы и даже перепечатки такихъ произведеній, на которыя по мнѣнію, „Артели“ недостаточно было обращено вниманія. Только одинъ родъ произведеній не можетъ имѣть мѣста въ „Артели“ — это такія произведенія, гдѣ смыслъ надо искать не только между строкъ, но даже внѣ обложки книги.

„Артель.“

Для желающихъ содѣйствовать „Артели“ своимъ трудомъ, а также и для всякой другой корреспонденціи, адресъ: *Москва, Мясницкая, домъ Сытова, Е. В. Келеръ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Ольга Неустроева . . . . . . А. Анненскій.

Къ умершей . . . . А. Эмге.

Три пріема . . . . В. Плетнеръ.

Чертъ и старикъ . . . . . . Марусинъ.

Черносотенный погромъ . . Гладинъ.

У синихъ волнъ . . . . А. Эмге.

Челнъ . . . . его же.

Спец. от.

Деньги, кредитъ
и банки . . . . Галамбовъ.

Ольга Неустроева.

Ольга Неустроева.

I.

Смутное было время. Народъ, цѣлыя сотни лѣт томившійся подъ тяжелой пятой законныхъ вл стителей, искалъ воли. Увлекшись шумными р чами нѣсколькихъ горячихъ головъ, онъ почу ствовалъ тягость того, что считалъ до сихъ по (быть можетъ въ непонятномъ ослѣпленіи) покр вомъ, и, одичалый, опьяненный, разнузданны всталъ, какъ дикій звѣрь, ощетинившись, и повел плечами . . . но не могъ сразу стряхнуть съ се жестокой власти! . . . Не естественно-ли, что озл бленіе разросталось все выше и шире? Такъ дуб пустившій ростки въ узкой долинѣ, окаймленн вѣковѣчными горами, хочетъ поднять свою маку ку выше недосягаемыхъ вершинъ и, упрямый, стр мится хоть бы раздвинуть устойчивые камни . . Увы! Не перерости ему окружающихъ скалъ только напрасно онъ корчится въ своихъ безн дежныхъ усиліяхъ . . . Сначала глухо, робко з говорили тѣ, которые позднѣе стали руководител ми движенія къ свободѣ: потомъ, осмѣлѣвъ, по нялись подонки, которымъ нечего было терять, и которые разсчитывали половить рыбу въ мутн водѣ: наконецъ, задрожала, зашумѣла молодеж правда, еще, можетъ быть, неоперившаяся, но уж обѣщающая, какъ и всякая молодежь несдержа ная, эгоистичная и презирающая завѣты стар

ковъ. И пошли тогда по улицамъ процессіи, съ красными знаменами, сдѣланными изъ тряпокъ и разорванныхъ національныхъ флаговъ; раздались пѣсни, призывающія на борьбу со всѣмъ, рѣшительно со всѣмъ, что существовало до сихъ поръ; стономъ пронеслись по всей странѣ взрывы бомбъ и сухіе выстрѣлы пистолетовъ. Словомъ началась революція со всѣми ея темными и свѣтлыми сторонами: стонами, грабежами, несправедливостями и геройскими смертями; со всей ея кровью и беззавѣтной любовью . . . Руководители назвали ее „освободительнымъ движеніемъ“.

Вотъ въ это то время мнѣ случилось узнать исторію двухъ юныхъ существъ, пожертвовавшихъ своимъ именемъ, счастьемъ, быть можетъ, любовью, и даже жизнью, наконецъ. . . чему? Тому, что руководители называли „освободительнымъ движеніемъ“, и что было, на самомъ дѣлѣ, „уличнымъ безуміемъ“.

Такова молодежь! Я не хочу спорить, но неотвязныя мысли просятся наружу. . . однако, нѣтъ, нѣтъ!

Въ одномъ изъ отдаленныхъ переулковъ, въ домѣ, переполненномъ мелкими квартирами, у студента Коляева собрались гости. Всѣ они явились по-одиночкѣ, или вдвоемъ, съ какимъ-то очень развязнымъ видомъ, безшабашно глядя по сторонамъ, особенно, когда проходили мимо дворника, который стоялъ у воротъ, хмуро ежась въ своемъ тулупѣ. Все это была молодежь и довольно-таки зеленая: студенты, курсистки, 2-3 гимназиста и нѣсколько лицъ неопредѣленнаго положенія и, насколько можно было разглядѣть въ темнотѣ, ино-

страннаго происхожденія.

Я не знаю, что происходило въ квартирѣ студента Коляева, но не думаю, чтобы вся эта юная компанія собралась только для веселаго времяпрепровожденія, такъ какъ, когда они расходились, поздно ночью, кто попарно, кто въ одиночку, не было слышно ни веселыхъ возгласовъ, ни беззаботнаго смѣха. Каждый шелъ какъ-бы совершенно независимо отъ другихъ, и быстро разсѣялись гости студента Коляева по разнымъ направленіямъ. Только одна пара еще долго не разставалась, медленно идя по холодному тротуару и бесѣдуя, очевидно не для постороннихъ ушей.

Я прошу позволенія, читатель, остановиться на нѣсколько минутъ, чтобы познакомить тебя съ этой парой, которая, собственно, и интересуетъ меня. Его звали Борисомъ Моисеевичемъ Корнъ, ее — Ольгой Александровной Неустроевой.

Я не знаю его прошлаго. Знаю только достовѣрно, что онъ былъ бѣднымъ, давалъ уроки еще студентомъ младшему брату Ольги Александровны, разумѣется, былъ знакомъ съ ней и, разумѣется, влюбился въ нее и влюбилъ ее въ себя. И было во что: брюнетъ, отлично сложенный, смѣлый, увлекающійся, нетеряющійся не смотря на свою бѣдность, хорошій ораторъ, если и не убѣжденный во всемъ томъ, что онъ говорилъ, то во всякомъ случаѣ умѣющій отстаивать выраженное имъ (хотя бы) и на вѣтеръ мнѣніе — словомъ, человѣкъ, знающій себя и другихъ и сознающій себя—могъ ли онъ не заинтересовать Ольгу Александровну своими пылкими рѣчами также, какъ и весь кружокъ сверстницъ ея, собиравшійся въ гостепріим-

номъ домѣ богатаго фабриканта Неустроева?

Ольга Александровна, въ свою очередь, единственная дочь, а слѣдовательно, ни въ чемъ не нуждающаяся и взбалмошная, дочь, которой любящіе родители позволяли все, что ей угодно, или, въ крайнемъ случаѣ, закрывали глаза на ея поступки ,— во первыхъ, ни чѣмъ не стѣснялась,— а во вторыхъ не могла не понравиться пылкому юношѣ. Я боюсь описывать ея фигуру. Она была превосходна и для развратника и для идеалиста, каковымъ, казалось, былъ Корнъ. Ея тонкая, гибкая талія, упругая грудь, маленькія, бѣлыя ручки и ножки, задорныя черты лица, рѣшительная, но и мягкая, по—кошачьи, походка, ея смѣлый взглядъ и твердый, при всей его женственности, голосъ и, главное, самостоятельный характеръ,— все это производило впечатлѣніе на молодыя сердца, особенно при ея веселости. Что же удивительнаго, что Борисъ Моисеевичъ, хотя и идеалистъ, быстро поддался земнымъ чарамъ Ольги Александровны? А она? Влюбилась ли она? Она хотѣла быть вполнѣ „эмансипированной“ и потому жадно слушала пылкія рѣчи Корна въ кругу подругъ, больше смотрѣвшихъ на его мужественную красоту, чѣмъ понимавшихъ его. . . Какъ бы то ни было, къ началу „освободительнаго движенія“, она была въ его власти и пошла съ нимъ на конспиративную квартиру студента Коляева, гдѣ въ послѣдній разъ обсуждался вопросъ о вооруженномъ возстаніи, рѣшенномъ уже революціонной партіей на послѣ-завтра.— Пока довольно свѣдѣній, и я позволю себѣ прямо перейти къ тому разговору

который вели Корнъ и Неустроева, когда они возвращались изъ квартиры Коляева.

II.

—„Ну, что вы на все это скажете, Ольга Александровна? спросилъ равнодушнымъ тономъ Корнъ, послѣ нѣсколькихъ значущихъ вопросовъ, оставшихся, впрочемъ, безъ отвѣта.

—„Во первыхъ, отвѣчала Ольга Александровна, сдерживая въ виду городового свой взволнованный голосъ: съ сегодняшняго вечера я не Ольга Александровна, а какъ условлено было: „Товарищъ Нина“, во вторыхъ я не понимаю, „Товарищъ Край“, что вы хотите спросить? Кажется, ясно было обо всемъ переговорено, инструкціи намъ даны. Мы обязаны ихъ выполнить во имя угнетеннаго народа, жертвуя собой.

—„Такъ-то такъ, и я, конечно, первый буду на баррикадахъ. . . “

—„Посмотримъ! сухо сказала Ольга“.

—„Но. . . Ольга, . . виноватъ, т. е. нѣтъ. . . товарищъ. . . словомъ я хотѣлъ спросить: не струсите-ли вы? Да и есть-ли у васъ револьверъ? Вѣдь, вы взялись за трудную задачу“.

—„ Опять-таки во первыхъ револьверъ у меня есть; вотъ онъ— и Ольга вынула изъ кармана своего моднаго пальто браунингъ, тщательно стараясь скрыть его въ тѣни фонаря и въ своемъ маленькомъ кулачкѣ; во вторыхъ я все обдумала; словомъ я— сознательная.

— Превосходно, но будьте осторожны и спрячь-

те вашу. . . гм. . . ну, да. . . ну, никого нѣтъ. . . вашъ браунингъ. Выдаваться не слѣдуетъ, это-то я и хотѣлъ вамъ сказать. Эти проклятые сыщики сидятъ на каждой тумбѣ. . . а, можетъ быть, и въ тумбѣ. Надо быть весьма осторожнымъ. Правило такое — иначе вы погубите все дѣло. Но. . . но я хотѣлъ спросить васъ, Оля. . .

„ Оля“?!

— Товарищъ. . . ну, да, разумѣется, товарищъ. . . вѣдь, не товарка же. . .

„ Послушайте, Коринъ! Не становитесь пошлымъ, какъ буржуа!

— Ого! Успѣхъ изумительный!

„ А я вамъ вотъ что скажу, товарищъ, горячо прервала его Ольга: вы говорите такимъ пошлымъ языкомъ, что я сейчасъ васъ брошу и пойду одна. Ну васъ! Ужъ не измѣняете ли вы дѣлу? Слушайте: тогда я донесу комитету. . .

— Ой, что вы, что вы! Нѣтъ, нѣтъ!

„ То-то. Вы, вѣрно, забыли нашего бѣднаго мужика, вы забыли, что надъ нами измывается это бюрократическое правительство, что буржуи жирѣютъ, а безработный пролетарій пухнетъ съ голоду! А свобода-то гдѣ? А гдѣ равенство? Братство? Это вы все забыли? . . . Ну, такъ оставьте меня и идите въ черту осѣдлости. . .

И она, чуть не всхлипывая, повернула было въ первый попавшійся переулокъ.

Но онъ догналъ ее.

— Стойте, стойте, товарищъ, кричалъ онъ, догоняя ее, когда она замедлила шаги, и продолжалъ шопотомъ: я вижу, я вижу, какъ вы преданы нашему великому дѣлу. . . Простите. . . я васъ ис-

пытать хотѣлъ. . . Но имѣлъ ли я на это право? Конечно, нѣтъ! Простите. . . Но скажите откровенно: браунингъ у васъ теперь есть и заряды вы получите; а деньги, деньги? Намъ ихъ много нужно. . .

„ Я же сказала тамъ на нашемъ собраніи, что все то, что мое до сихъ поръ было, принадлежитъ дѣлу; а что у отца—такъ развѣ народъ не выше одного изъ членовъ этого народа? Слушайте, Корнъ, все это истины, которыя сейчасъ только на нашемъ собраніи доказывались... И къ чему? Такъ ясно.

— Милая, отвѣчалъ онъ вдругъ мягкимъ голосомъ: простите, — я былъ подлъ: я тебя осмѣливался испытывать. . . Но что дѣлать? Я принадлежу партіи... Хочешь, закрѣпимъ нашу дружбу?

И онъ шепталъ ей нѣжныя слова, пользуясь темнотой переулка. Ольга, возбужденная, страстная, увлеченная идеей, все меньше сопротивлялась. Такъ дошли они до его квартиры, мѣшая страстныя рѣчи съ „освободительными“ возгласами. . .

Рано утромъ она была дома.

Онъ спалъ.

III.

Тяжело было пробужденіе Ольги черезъ 2-3 часа послѣ того, какъ она вернулась домой. Странная усталость, какая-то неловкость, даже боль, и стыдъ. . . стыдъ. . . все это задерживало ее въ постели. Она не могла рѣшиться одѣться и сойти

къ чаю.

Съ другой стороны не то какая-то новая смѣлость, родившаяся въ ея груди вчера на митингѣ и тамъ. . . ну, въ какомъ-то переулкѣ. . . упрямство, да, просто, чувство самки, желающей оправдать свой дурной, хотя еще и не выясненный поступокъ, заставили ее, наконецъ, вскочить съ постели, необычно быстро одѣться и сойти внизъ. Въ столовой были всѣ въ сборѣ.

Поздоровавшись съ родителями и братьями, Ольга молча сѣла на свое мѣсто.

— Гдѣ ты вчера была? неожиданно спросилъ ее отецъ, послѣ довольно продолжительной паузы.

Ольга взглянула на него. И „отъѣвшіеся буржуи“, и „капиталъ, который душитъ честнаго пролетарія“, и „Марсельеза“, и „дорогой отецъ, милая мать“, и вчерашнія безумныя, но столь близкія слова и браунингъ, и братишка тутъ подъ—бокомъ— привычныя и понятныя удобства и баррикады, смутныя н непонятныя — все это сразу смѣшалось въ сердцѣ Ольги. Первую минуту она смутилась. Но. . . вспомнивъ, она рѣзко, даже излишне рѣзко отвѣтила:

— Была на митингѣ. Очень интересно и правдиво. . .

„ Гмъ. . . интересно, это я понимаю, отвѣчалъ отецъ: но интересно это должно быть для психологовъ покрѣпче тебя, или для. . . психіатровъ. На счетъ правдивости же— сомнѣваюсь.

— Не будемъ спорить, папа, мы разныхъ лагерей. . .

„ Разныхъ возрастовъ, перебилъ старикъ. Такъ вотъ, что—бы возрасты наши сгладить и привести

насъ въ одинъ лагерь, я тебѣ разъ навсегда запрещаю выходить изъ дому, не сказавшись матери: куда и зачѣмъ ты идешь; иначе я приставлю къ тебѣ козачка.

— Времена прошли!—неожиданно воскликнула Ольга, сама испугавшаяся своей смѣлости.

Отецъ только крякнулъ, долго и грустно посмотрѣлъ на дочь, потомъ рѣзко всталъ и, уже уходя изъ комнаты, сдержаннымъ голосомъ сказалъ своей женѣ:

—Я сейчасъ уѣду по дѣламъ; если опоздаю къ обѣду, не ждите меня.

И ушелъ.

Семейство сидѣло подавленное. Младшіе робко поклевывали крошки вкусной булки. Ольга мрачно смотрѣла въ пустую чашку, а мать ея съ испугомъ хотѣла, казалось, пронизать ее взоромъ. . . Слышно было, какъ хлопнулась дверь. Вдругъ Ольга встала и, глубоко вздохнувъ, прошептала:

— Я ухожу, мама.

„ Куда? Что? Погоди!—воскликнула бѣдная мать.

— Мой долгъ. . . былъ отвѣтъ, и Ольга исчезла.

IV.

Выйдя на улицу и пройдя, какъ - то безсознательно нѣсколько переулковъ, Ольга замедлила шаги. Что - то смутное поднялось въ ея груди. Вѣдь она шла. . . ну, да! конечно, на баррикады, освобождать угнетенную страну, шла бороться съ „ проклятой бюрократіей“, какъ представительница

свѣжей, бодрой молодежи, но. . . но. . гдѣ же эти баррикады? Что тамъ дѣлать? Убивать? Измѣнниковъ народа, эти сѣрыя шинели— все это вѣрно, но куда же идти? Ну, разумѣется въ маленькую и темную, и все же великую и свѣтлую по совершавшемуся въ ней, квартиру Коляева: тамъ революціонное правительство. Да, но гдѣ эта квартира? Судьба поставила между ей и домомъ Неустроевыхъ грязный корпусъ, въ которомъ живетъ Борисъ. . . товарищъ „Край“, . . нѣтъ: просто Боря, милый и. . . страшный Боря? Почему страшный? О, эта ночь!

Я бы солгалъ, если бы приписалъ Ольгѣ Александровнѣ только эти разсужденія. Къ чести ея надо сказать, что на этомъ самомъ пунктѣ она оборвалась. Слезы выступили у нея на глазахъ, и она долго колебалась: а что дома? Вѣдь, она ушла не простившись, и ушла въ сущности (разумѣется, это рѣшено твердо) навсегда отъ этихъ „буржуевъ“, но все-таки. . . не простившись! Даже въ ссорѣ. Вернуться? Одуматься? Нѣтъ! А Боря? А народъ? Какъ это вчера говорилъ „товарищъ Блокшвицъ“: „умремъ за угнетенный народъ, возстановимъ высшую справедливость! Долой черта осѣдлости! Долой семья, если она не признаетъ свободу члена ея! Вверхъ, все выше подымемъ народъ, всѣхъ бѣдныхъ, Финновъ,Евреевъ, Поляковъ, Кавказъ, Русскихъ сознательныхъ рабочихъ! Пролетарій всѣхъ странъ!“ . . . Тутъ онъ заплакалъ. . . но какъ вѣрно! А потомъ: „свобода всѣмъ и каждому! Нѣтъ господъ и нѣтъ слугъ! Нѣтъ собственности! Свободную дорогу свободной любви! Свобода, свобода, свобода!“

Всѣ эти отрывки вчера слышанныхъ рѣчей шумомъ пронеслись въ ея усталой и возбужденной головѣ, и она, нахмуривъ вдругъ брови и сжавъ въ карманѣ широкаго сака браунингъ, быстро и рѣшительно пошла.

Она пошла къ Борису Моисеевичу, такъ какъ не знала дорогу къ Коляеву.

— Кто тамъ? Войдите,—не то нехотя, не то испуганно крикнулъ Борисъ, когда постучали къ нему въ дверь.

„ Это я, задорно и даже властно отвѣтила Ольга Александровна, пріоткрывая дверь. Борисъ стоялъ посреди комнаты и надѣвалъ на себя фуфайку, или вѣрнѣе, что то вродѣ панцыря. Онъ былъ полу-одѣтъ, и оба сконфузились.

Первая пришла въ себя Ольга. Она съ особенно смѣлымъ видомъ вошла въ комнату, тщательно прикрыла за собой дверь и таинственнымъ шепотомъ спросила:

— Готовъ?

„ Сейчасъ, сейчасъ,—быстро отвѣтилъ Борисъ. Садись вотъ тутъ, за ширму, а то. . . Ну, знаешь, . . . вообще. . . Какъ ты?

— А что! Поругались. Ушла. Я готова,—черезчуръ грубо отвѣтила Ольга, уходя машинально за ширму. . .

Ольга сидѣла на скрипучей кровати, и упорно отгоняла отъ себя воспоминанія. А онъ торопливо и неловко одѣвался. Но чѣмъ дольше длилось молчанье, тѣмъ неловче становилось каждому. Суровая обстановка, разрывъ съ прошлымъ, „свѣтлое“ будущее, геройство— все это прекрасно, но и недавнее, вчерашнее, играло роль, невольно дѣй-

ствовало на нихъ. Онъ не рѣшался сначала подойти даже къ ширмѣ, за которой сидѣла на кровати дѣвушка, сдѣлавшаяся нѣсколько часовъ тому назадъ его женой: она переживала ужасъ своего положенія, смутно сознавая, что вотъ этотъ человѣкъ, который одѣвается въ этой же комнатѣ, такъ поверхностно ей знакомый, нѣсколько часовъ тому назадъ взялъ ее, покорную, безвластную, только благодаря тому, что изъ за него же она увлеклась какими то идеями, ей еще не вполнѣ ясными, и только потому, что она. . . именно увлеклась! И въ то же время атмосфера дѣйствовала на нихъ обоихъ.

Вдругъ она, менѣе разсчетливая, и потому болѣе поддавшаяся новымъ для нея словамъ, изнервничавшаяся, почувствовала что-то, еще даже вчера ей незнакомое. Грудь ея сильно вздымалась: рука машинально поднялась къ воротнику и разстегнула его.. .

— Боря, пойди же сюда, прошептала она, и какой-то внутренній молотъ билъ ее твердя: ну, да! ну, да! вѣдь ты свободна? Это гражданскій бракъ, и пусть это жертва. . . но это жертва свободы! Именно жертва. . .

Онъ уже нѣсколько времени стоялъ въ нерѣшительности: одѣваться ли ему дальше или. . . Но услыхавъ этотъ страстный полушепотъ, онъ рѣшительно вошелъ за ширму и крѣпко обнялъ Ольгу, уже полураздѣтую.

Черезъ часъ они быстро шли къ конспиративной квартирѣ Коляева, гдѣ имъ надлежало пробыть до завтрашняго утра, и откуда они должны были примкнуть къ той или иной партіи, чтобы идти

на постройку баррикадъ по плану „Комитета“ на бой. По дорогѣ они мало говорили другъ с другомъ.

V.

Сознаюсь: никогда я не понимаю ихъ и не понима до сихъ поръ языка тѣхъ, которыхъ зовутъ дѣятелям „освободительнаго движенія“. Поэтому мнѣ остаетс только въ качествѣ сухого лѣтописца, собщать теб читатель, голые факты, такъ и не стараясь прони нуть въ тайники, ревниво хранящіе идеи великих „мучениковъ за всѣхъ насъ“,—отъ меня, по кра ней мѣрѣ.

Вотъ почему я не войду вслѣдъ за Ольгой в квартиру районнаго предводителя Коляева и н буду подслушивать всѣхъ рѣчей, тамъ произн сенныхъ. Я скажу только, что по-утру партіи ра сѣялись по городу и настроили баррикадъ, согла но плану, выработанному комитетомъ, и за каждо баррикадой засѣла кучка убѣжденныхъ освобод телей, преимущественно изъ молодежи, среди кот рой было не мало женщинъ. Преимущественн женщины и дѣвушки исполняли роль сестер милосердія или помощницъ активныхъ дѣятеле революціи, но были среди нихъ и такія, которы не отставали отъ мужчинъ.

Одинъ изъ переулковъ, выходящихъ на главну улицу города, былъ перерѣзанъ особенно гранд озной и прочно построенной баррикадой. Хот сооружена она была изъ того же матеріала, как

и всѣ другія, т. е. ящиковъ, снятыхъ съ петель воротъ, рѣшетокъ, бочекъ, бревенъ, поломанныхъ телѣгъ и т. д., но въ этомъ мѣстѣ весь этотъ хламъ былъ такъ прочно и удачно сложенъ и связанъ, передъ нимъ были такія проволочныя загражденія изъ телеграфной и телефонной проволоки, что войска, уже нѣсколько дней воевавшія съ революціонерами, прозвали эту баррикаду „проклятой". Какой-то чертъ сидѣлъ въ ней. Другія строились, казалось бы также, по той же системѣ, а глядишь! —прошелъ патруль,—являются дворники и разбираютъ съ вечера взятыя ворота и тащатъ на мѣста; а ящики и бревна просто на просто кухарки растаскиваютъ по кухнямъ.

Но ни одинъ солдатъ не рѣшался подойти въ одиночку къ „проклятой баррикадѣ: вѣрная смерть.

Это было необъяснимо.

Больше двухъ недѣль держалась „проклятая". И „чертъ", который ей командовалъ, не зналъ пощады. А между тѣмъ его, этого командира, или по выраженію солдатъ „черта", можно было видѣть ежедневно на гребнѣ баррикады, въ модномъ сакѣ, въ кокетливой, хотя и помятой нѣсколько шапочкѣ, съ вьющимися волосами, маленькими, красивыми ручками, держащими грозный браунингъ, и звали его Ольга Александровна Неустроева. Рядомъ съ этимъ „чертомъ" нерѣдко можно было видѣть красиваго брюнета, въ большой махнатой шапкѣ, сдвинутой на затылокъ, студенческомъ пальто, большихъ сапогахъ и съ винтовкой черезъ плечо. Держался онъ, правда, всегда нѣсколько позади, но видъ имѣлъ суровый и рѣшительный. Впрочемъ. онъ появлялся на гребнѣ баррикады лишь въ моменты

затишья, а звали его Борисомъ Моисеевичемъ.

Въ одинъ изъ немногихъ часовъ затишья, въ дворницкой, примыкающаго къ баррикадѣ дома, штабъ-квартирѣ освободителей происходило засѣданіе. Обсуждался планъ дѣйствій на завтра.

Да! Еслибы я не былъ „гражданиномъ“ той страны, гдѣ происходили мной описываемыя событія, если-бы врожденная гражданская скромность не закрывала мнѣ уста и не запрещала выдавать тайны еще столь недавняго военнаго совѣта, я бы подѣлился съ тобой, читатель, тѣмъ, что говорилось на этомъ засѣданіи, такъ какъ успѣлъ стенографически записать всѣ произнесенныя тамъ рѣчи, лежа за пологомъ на мягкой постели дворника, которому была пробита пулей бляха на шапкѣ, когда онъ вышелъ на дежурство вначалѣ революціи.

Но я молчу. Позволю себѣ измѣнить правилу скромности только по отношенію къ тому, что было въ концѣ засѣданія, что было рѣшено, и какую рѣчь произнесла Ольга Александровна. Я даже обязанъ сдѣлать это, такъ какъ такой путь быстро приведетъ меня къ развязкѣ: тебя, читатель, къ сладкому сну, и разъяснить, почему я взялся за перо, и что же я, собственно хотѣлъ, бравшись за него.

Нужно сказать, что къ этому времени число мужественныхъ защитниковъ баррикадъ поубавилось значительно. Уже два дня, какъ не получалось извѣстій о положеніи дѣлъ въ другихъ районахъ, т. к. мѣстность была оцѣплена войсками. Правда, похоже было на то, что защитниковъ баррикады просто не хотѣли перебивать какъ куропатокъ, но

лучше предположить, что врагъ затаился, и что необходимо дать генеральное сраженіе. Въ этомъ смыслѣ говорили многіе ораторы; другіе, быть можетъ, болѣе трусливые совѣтовали сдаться; и наконецъ, третьи, разумѣется, меньшинство —молчали, хотя и покрылись нѣкоторой блѣдностью. Вотъ тогда-то всталъ Борисъ и, въ качествѣ одного изъ главарей, произнесъ:

— Товарищи! Я настаиваю и, какъ старшій здѣсь, приказываю: сегодня ночью отступить къ Рыхлѣ (такъ называлась часть города, гдѣ засѣли главныя силы революціонеровъ, и которую въ данную минуту обстрѣливала артиллерія). Тамъ мы нужны. Пусть подлые преступники рыщутъ въ этомъ районѣ: мы усилимъ гарнизонъ Рыхлы.

„ Ишь, Кутузовъ! Чтожъ, у васъ есть управляемые аэростаты“—раздался чей-то голосъ изъ глубины дворницкой. Борисъ нѣсколько сконфузился, и наступило молчанье. Всѣ тяжело дышали, чувствовали, что на что нибудь надо же рѣшиться. Но на что? Воспаленныя отъ усталости и отъ безсонныхъ ночей головы были налиты свинцомъ. Хотѣлось спать. Хотѣлось бросить всю эту затѣю, хоть на одну минуту, уйти домой, растянуться въ мягкой или хоть какой-нибудь постели и забыться. . . За необдуманнымъ подъемомъ духа послѣдовало разслабленіе нервовъ, апатія. Всѣ молчали. И если бы въ это время „войска проклятаго правительства“ получили приказаніе, то никто изъ засѣдавшихъ въ дворницкой и изъ несшихъ сторожевую службу не оказалъ бы при арестѣ никакого сопротивленія.

И вдругъ раздался голосъ, сначала довольно роб-

кій, но дальше, дальше все болѣе оживляющійся и, наконецъ, разбудившій даже наиболѣе отчаявшихся. Заговорила Ольга Александровна.

Уже женщина, она была все-таки хрупка и невольно боролись въ ней два чувства: прирожденное чувство порядочности и вызванное послѣдними событіями чувство. . . даже цинизма. Человѣкъ, совершившій ошибку, но порядочный въ душѣ, замѣняетъ за-частую убѣжденность дерзостью.

—Товарищи!—сказала „товарищъ Нина“—я долго слушала васъ и молчала, хотя, конечно, и имѣла право вставить свое слово, потому что здѣсь, въ этомъ бѣдномъ помѣщеніи, права женщины признаются лучше, нежели. . . въ роскошныхъ палатахъ императорскаго правительства. . .

—Браво,—глухо пронеслось по комнатѣ. Она продолжала:

„И вотъ. . ну, да, я хочу сказать: я, женщина присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ товарищей, которые предлагаютъ дать завтра генеральное сраженіе правительственнымъ войскамъ. Какъ жена. . . да, я жена товарища „Край“, и признаюсь открыто, потому что тутъ скрываться нечего“,—прибавила она торопливо, и густая краска покрыла ея лицо: а собраніе опять разразилось глухимъ гуломъ одобренія: „я жена, да, добровольно, гражданская! Да здравствуетъ гражданскій бракъ!“

Запѣли марсельезу. По окончаніи ея „товарищъ Нина“ продолжала:

—Товарищи! Я, жена товарища Края, не согласна съ его предложеніемъ и протестую! Отступать нельзя и позорно. Если бы отступленіе было даже возможно, то мы, вѣдь не себя защищаемъ! Мы дер-

жали съ честью знамя революціи на этой почетной баррикадѣ не ради себя, а ради угнетеннаго безработнаго мужичка, который въ потѣ лица сѣетъ и пашетъ — а что произрастаетъ изъ его труда? Благодаря правительству, на десятинѣ выростаетъ едва три колоса; а на фабрикахъ заставляютъ мучиться бѣдныхъ гражданъ даже 10 часовъ! Нѣтъ! Не за насъ, не ради насъ стоимъ мы на этомъ высокомъ посту, который въ буржуйной исторіи презрительно называется баррикадой, а ради угнетеннаго брата. . . Говорятъ, онъ пьянствуетъ, онъ нищенствуетъ, онъ лѣнтяй. Но товарищи, какъ же не пьянствовать, не нищенствовать, не лѣнтяйничать, если на мѣстахъ министровъ сидятъ буржуи, если около престола кишмя кишатъ отъѣвшіеся бюрократы, если самъ. . .

—Ура! ! ! загремѣли голоса.

Ольга сбилась. Нѣсколько времени происходило какое-то недоразумѣніе и, наконецъ, когда всѣ успокоились, то послышался довольно явственный шопотъ Бориса, подошедшаго къ Ольгѣ.

—Дура! совсѣмъ не то! ты забыла.

—Скажи скорѣй!

—Надо ловить моментъ.—Онъ ей зашепталъ, а она заговорила опять, тряхнувъ головой, какъ-бы отгоняя то, что ей навязывали. „Товарищи! Спасибо вамъ, что вы меня поддержали. Я отвлеклась. Мы должны обсудить завтрашній день. Помните! Свобода прежде всего. Мы изъ-за нея боремся. И вотъ, я настаиваю, что завтра въ 6 ч. утра должно начаться послѣднее, генеральное сраженіе съ правительствомъ! Никакого отступленія! Если изъ васъ никто не берется руководить имъ,—я ваша на-

пальница!“

Тутъ произошло нѣчто необычайное. Поднялись крики, споры. Несомнѣнно энергичныя слова красивой дѣвушки дѣйствовали магнетически на большинство изъ присутствующихъ; многіе просто не хотѣли уронить себя въ глазахъ той, которая своимъ присутствіемъ хоть сколько нибудь скрашивала ихъ добровольное или невольное сидѣніе подъ пулями и безъ всякой надежды на побѣду: только немногіе съ Борисомъ во главѣ старались перекричать другихъ и силой хриплыхъ голосовъ и потрясаемыхъ въ воздухѣ браунинговъ доказать правильность ихъ взгляда, т. е., необходимость просто на просто удирать.

Виновница всего этого шума забилась въ уголъ. Странныя мысли молніей пролетали у нея въ головѣ. Семья, равенство, геройство, Борисъ и недавняя ночь, удобство ея комнатки, тамъ у родителей, врожденное отвращеніе ко всякой грязи, и свобода прежде всего—все это сумбуромъ стучало ей въ голову, и она, не понимая, чувствовала, что сама себя продала на безцѣльное мученичество, и что. . . выхода ей нѣтъ! Женственность ея возмущалась грязью и цинизмомъ окружающаго, еще почти дѣтская неопытность не позволяла ей разобраться во всемъ томъ, что совершалось вокругъ нея, а въ то же время инстинктивная, можетъ быть, животная любовь заставляла ее крѣпко держаться ученья ея Бориса, который уже теперь самъ не смогъ бы разрушить созданный имъ пьедесталъ. Она чувствовала, что Борисъ предлагаетъ не то, что бы слѣдовало по его же словамъ, когда онъ въ былое время убѣжденно

говоритъ: „ни пяди назадъ, пусть мы всѣ умремъ, но на нашихъ истлѣвшихъ трупахъ пролетаріи воздвигнутъ роскошный дворецъ всеобщаго благополучія: а главное—смерть, смерть правительству и „всѣмъ агентамъ его“—даже цѣной нашей жизни“. Теперь онъ, красный отъ напряженія, съ холоднымъ потомъ самотности на лбу, доказывалъ необходимость „отступленія“, какъ онъ это называлъ, а по-просту бѣгства. . . кому удастся.

Въ ея смятенной душѣ поднялась сначала тревога за тотъ идеалъ, который она себѣ сама создала въ роковую для нея ночь, и отъ котораго упрямо не хотѣла отказаться: люди и въ спокойномъ состояніи не охотно признаются въ своихъ ошибочныхъ выводахъ, даже самимъ себѣ. Потомъ передъ ней всталъ вопросъ: бѣжать? но какъ, когда мы окружены, и насъ только терпятъ по приказанію начальства? вѣдь это же ясно: а если и удастся бѣжать—на долго ли она слабая, изнѣженная, могущая переносить испытанія только подъ вліяніемъ страннаго нервнаго подъема, на долго ли она съумѣетъ сохранить нужное присутствіе духа, чтобы бѣжать, бѣжать безъ оглядки, бросивъ все, ей до сихъ поръ дорогое? А братья? А папа и мама? . . Да и куда? . . Нѣтъ, ей выхода нѣтъ, и пусть будетъ, что будетъ—только бы не слишкомъ долго. . . и не одной. . .

Мысли ея мѣшались. . .

VI.

Бѣдная Оля!.. Случалось ли тебѣ, читатель, встрѣчать на твоемъ жизненномъ пути такія натуры, какъ она? Это натуры нѣжныя, любящія, но, къ сожалѣнію, слишкомъ мягкія. Онѣ скоро увлекаются и, чувствуя свою слабость, дѣлаются упрямыми, какъ бы боятся сознать свою ошибку. Тотъ магнитъ, который ихъ притягивалъ, уже потерялъ свою силу, а онѣ все еще упорно двигаются въ томъ же направленіи, стыдясь сознаться, что ихъ уже ничего не влечетъ, что онѣ заблудились, стыдясь спросить прохожаго, не то что уже близкаго, гдѣ же дорога? Переубѣдить ихъ нельзя: у нихъ нѣтъ логики, кромѣ неумолимости ихъ перваго шага. По моему это самыя несчастныя натуры. Какъ то всегда такъ случается, что онѣ непремѣнно подпадаютъ подъ власть недостойныхъ ихъ людей, ибо онѣ въ сущности благородны и возвышенны, но... совершенно безвольны. А кто же и пользуется безволіемъ, какъ не характеръ низменный?

Бѣдная Оля! Я почиталъ бы себя счастливымъ, если бы судьба предопредѣлила мнѣ стать на твоемъ пути, какъ шлагбаумъ, загораживающій дорогу. Пусть въ стремительномъ паденіи ты разбила бы меня, но, быть можетъ, и получивъ легкое увѣчье, ты бы спаслась и... стала бы осторожнѣе въ будущемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ тебя, я полюбилъ тебя... нѣтъ! нѣтъ! не оскорбляйся, не той любовью Бориса Моисеевича, товарища „Край“: я полюбилъ твой образъ, твою тѣнь. Твоя теплая, кокетливая шубка, твои зябкія

ручки, крѣпко держащія въ настоящую минуту браунингъ: но болѣе привычныя держать конфету или въ крайнемъ случаѣ, легкое вышиваніе, или бѣгло порхающія по клавишамъ; твои маленькія ножки, дразняще выглядывающія изъ подъ шуршащихъ юбокъ; твоя дивная улыбка и рядъ жемчужинъ, едва прикрытыхъ задорными губками— твой милый, добрый смѣшокъ и глаза — глаза— нѣтъ! ужасно подумать, что ты сидишь въ грязной, полутемной дворницкой, окруженная товарищами, которые нарочно, ради какой-то идеи, тебя вовсе не касающейся, нахлобучили мохнатыя, звѣреподобныя шапки, натянули на плечи изодранныя и тщательно вкривь и вкось застегнутыя пальто, немытые, потные орутъ, горланятъ и дуютъ водку „экспропріированную" въ казенкѣ! . .

Что дѣлать! Скажу жестокое, но все же правдивое слово: ты сама пошла на это и сознаешь это. Ты не находишь выхода, хотя онъ, разумѣется есть. Да, но для него нужно по-больше силы воли съ твоей стороны, по-больше уваженія къ личности со стороны „товарищей" и поменьше дьявольства въ Борисѣ. Не плачь милая! Оставь эти слезы у себя: Борисъ ихъ не стоитъ, но ты доживи свой вѣкъ, ошибаясь въ немъ. Тебѣ будетъ легче. Не лучше ли для человѣка, неспособнаго признать свое заблужденіе, умереть, такъ и не сознавъ его? Не счастливѣе-ли онъ тогда? А что такое—одинъ человѣкъ? . . Разочарованіе, тяжеле заблужденія. И такъ какъ я тебя люблю, Оля, и имѣю смѣлость признать это, то и не только громко высказываю мои чувства, но и запишу свидѣтельство о нихъ набумагу.

VII.

Шумъ и споръ продолжались, долго. Въ ушахъ Ольги все перемѣшалось, и она уже стала забывать то, что сама говорила. Да и не мудрено. Жарко натопленная печь въ маленькой дворницкой, спертый воздухъ, насыщенный табакомъ, водкой и испареніями человѣческаго тѣла—кого не одурманитъ такая атмосфера? Ольга почти уже теряла сознаніе въ своемъ углу, когда вдругъ услышала обращенныя къ ней, лично къ ней, слова.

—Товрищъ Нина! Вы сами взялись руководить завтрашнимъ сраженіемъ, и такъ какъ мы теперь большинствомъ голосовъ рѣшили лечь костьми на этомъ мѣстѣ во имя свободы и похоронить подъ нашими трупами истлѣвающее правительство, то съ этой минуты мы подчиняемся вамъ безусловно. Мы будемъ исполнять все, что будетъ приказано во имя великой революціи, но отъ себя прибавимъ только никакого отступленія!

Наступило молчаніе. Ольга поднялась, какъ пьяная. Она не могла повторить словъ, ею сказанныхъ, но я, слышавшій ихъ, могу засвидѣтельствовать, что они были сказаны, хотя и тихо, но твердо. Такимъ голосомъ говорятъ въ бреду. . . Она сказала:

—Охотно принимаю на себя возложенную на меня обязанность. Мои распоряженія—послѣ. Но я не могу быть сразу во всѣхъ мѣстахъ: мнѣ нужны помощники, прежде всего мнѣ нуженъ такой помощникъ, съ которымъ бы я могла всегда, совѣтываться—и я его избираю: товарищъ, Край, подойди ко мнѣ.—(Тутъ мнѣ показалось, что въ ея

голосѣ прозвучала какая-то хитрая нотка). Такъ. Мы переговоримъ потомъ наединѣ о завтрашнемъ днѣ, а теперь я прошу всѣхъ удалиться, но даю слѣдующій приказъ: несомнѣнно завтра мы даемъ генеральное сраженіе; планъ его я разработаю съ товарищемъ Край и сообщу его своевременно всѣмъ черезъ. . . черезъ. . .

—Меня! Меня! Меня! Раздались 2-3 возгласа.

—Ну да, разумѣется, Васъ какъ зовутъ! Артиллеристъ?

—Идите сюда. Васъ какъ? ахъ да! „Око“ сюда! А вы? Что? „Петька“. . . ну, это не очень громко, однако и вы сюда. Довольно адъютантовъ. Господа прощайте, до завтра здѣсь останутся только Артиллеристъ, Око и Петька, и конечно... Край. Черезъ часъ все будетъ готово.

Она говорила такъ властно, что всѣ повиновались и разошлись, кромѣ тѣхъ, кому она приказала остаться, но нельзя не констатировать, что адъютанты были больше довольны своими должностями, чѣмъ Край своимъ высокимъ постомъ. Ужъ не предвидѣли ли они возможность, прикрываясь исполненіемъ порученій. . . гмъ... укрыться? Онъ же, очевидно, выхода не предвидѣлъ.

VIII.

Военный совѣтъ продолжался собственно не долго, такъ какъ, надо сознаться, никто изъ участниковъ его хорошенько не сознавалъ, какъ же нужно бороться съ войсками? Да и съ войсками ли? Цѣлый

наборъ громкихъ фразъ сыпался изъ устъ участниковъ совѣта, при-чемъ къ преніямъ были допущены и адъютанты, и, наконецъ было рѣшено, что „въ 6 ч. утра всѣ должны стоять на своихъ мѣстахъ и убивать каждаго проходящаго солдата, каждаго высунувшаго свой носъ казака; если же кто нибудь изъ враговъ попадется въ плѣнъ, то надъ нимъ немедленно будетъ произнесенъ приговоръ, и онъ будетъ разстрѣленъ. Отступленія нѣтъ! Да здравствуетъ великая революція! Пусть гніетъ гнусное правительство подъ пятой торжествующаго пролетаріата!!“ Въ этомъ духѣ живо были переписаны коротенькія прокламаціи и адъютанты серьезно и важно понесли ихъ по дворницкимъ и погребамъ, гдѣ ютились освободители. Я, разумѣется, не могъ прослѣдить дѣятельность адъютантовъ за эту ночь, ибо не смѣлъ пошевельнуться за своимъ пологомъ. Да они меня и не интересовали. Я ждалъ: что же будетъ теперь здѣсь, въ этой душной, поистинѣ отвратительной, комнатѣ...

Когда адъютанты ушли, нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Ольга сидѣла за сальнымъ столомъ, уже безъ шубки, и казалась въ своей кофточкѣ и сбитомъ нѣсколько на-бокъ модномъ крахмаленномъ воротникѣ, совсѣмъ дѣвочкой. Борисъ ходилъ трагическими шагами изъ угла въ уголъ. Къ сожалѣнію я не могъ хорошо разсмотрѣть его лица, т. к. комната освѣщалась однимъ огаркомъ, воткнутымъ въ бутылку отъ водки, стоявшей передъ Ольгой на столѣ. Ольга тяжело дышала. Ея ноздри широко раздувались, грудь высоко подымалась. Была-ли она блѣдна? Покрылъ-ли румянецъ возбужденія, злобы, отчаянія ея щеки? Не знаю: свѣтъ огарка

былъ слишкомъ измѣнчивъ.

Томительно шли минуты. Вдругъ мнѣ послышался шопотъ—нѣтъ! не шопотъ, а какое-то дыханье:

—Боря! . .

И вслѣдъ за этимъ дыханьемъ, раздался грубый, хриплый, жесткій голосъ. Такъ, лѣтомъ, въ душный, іюльскій день, легкій вѣтерокъ чуть-чуть прошелеститъ кудрявой березой, едва-едва коснется щекъ рѣзваго ребенка, беззаботно играющаго въ саду, и слабо всколыхнетъ косынку на груди наблюдающей за ребенкомъ матери—и вдругъ заворчитъ, загудитъ, раскатится сухой громъ, блеснетъ молнія, забарабанятъ по крышамъ и листьямъ крупныя, сильныя капли дождя. . . и гдѣ мать? гдѣ ребенокъ? Гдѣ кудрявая береза? Боязливо спряталось дитя на рукахъ испуганной матери, бѣгущей изо всѣхъ своихъ слабыхъ силъ въ домъ, въ темную комнату. . . Ужъ не шумитъ кудрявая береза: она сломана порывомъ нежданнаго вѣтра и лежитъ грустная, поблеклая у подножья расщепленнаго ствола. . . и сохнутъ ея корни . . .

Раздался грубый, хриплый, жесткій голосъ:

—Чертъ знаетъ что такое! Какого діавола, скажи на милость, ты заварила всю эту кашу? Ну, да! Теперь мы должны завтра стрѣлять и драться, потому что эти идіоты бѣлены объѣлись! Вѣдь ты сама понимаешь, что спасенъ тотъ, кто успѣетъ удрать, а теперь попробуй-ка переубѣдить это стадо безсмысленныхъ барановъ! . . По крышамъ не удерешь! Обманомъ ихъ не возьмешь! „Отступленія нѣтъ!“ Ишь какое громкое слово! Да, чертъ, изъ-за чего я стану рисковать своей жизнью? Неужели ты не понимаешь, что насъ завтра пере-

стрѣляютъ какъ зайцевъ, или заберутъ голыми руками, а потомъ. . . потомъ повѣсятъ. (Господи! ужъ не всхлипнулъ-ли онъ? Или мнѣ показалось?) Развѣ мало сдѣлали мы? Развѣ мы не жертвовали собой для общаго блага? Блага! Чертъ бы его побралъ! И ты еще, дура, лѣзешь со своими идіотскими рѣчами! Ишь выскочка! . .

—Борисъ, я твои слова. . .

—Молчи ужъ! Надо знать гдѣ и что говорить можно! То-то вы, бабы, все по своему перевернуть хотите! Слушалась бы меня, какъ прежде,—не то-бы вышло. А то тоже: хвастаться вздумала! Борисъ, да Борисъ! Мало-ли какія бываютъ отношенія между мужчиной и женщиной — такъ все это и неси на базаръ?

—Борисъ! . .

—Заладила сорока Якова! Борисъ да Борисъ! Къ черту Бориса! Къ черту всю эту революціонную мониловщину! Не желаю я завтра идти на разстрѣлъ; пропади ты пропадомъ съ твоимъ героизмомъ! Все это одна дурацкая затѣя и больше ничего, а я еще вовсе не такъ старъ, чтобъ добровольно подставлять лобъ подъ пулю.

И онъ пошелъ къ двери.

Гдѣ быстро, насколько ей позволяютъ трясущіяся отъ испуга ноги, бѣгущая мать, тщетно старающаяся укрыть отъ крупныхъ капель дождя голову ея ребенка?.. Гдѣ кудрявая береза?..

Однимъ прыжкомъ очутилась Ольга около Бориса, схватила его за руку и произнесла:

—Куда ты? Повтори, что ты сказалъ.

Громъ перестлалъ гремѣть: онъ рокоталъ удаляясь, сердито, но уже не такъ рѣшительно. . .

Борисъ хотѣлъ вырвать руку, тряхнулъ ею, но не смогъ. Злобно процѣдилъ онъ сквозь зубы:

—На крышу! Въ водосточную трубу — только бы къ черту отъ этой барррррикады! ! ! ! И онъ захохоталъ.

—Но я остаюсь здѣсь, и ты меня бросишь? Борисъ вспомни!

—Чего вспоминать! Твое дѣло! Кто тебя тянулъ? Да отвяжись ты,—шлюха!

Произошло что-то, чего я разобрать не могъ. Я слышалъ толко слабый возгласъ, затѣмъ потухъ огарокъ, потомъ раздался сухой выстрѣлъ браунинга и больше никто не шевелился нѣсколько минутъ. Наконецъ вбѣжало нѣсколько товарищей, зажгли свѣтъ, и я могъ разглядѣть: растерянныя лица 2—3 студентовъ, страшно блѣднаго Бориса, старающагося презрительно улыбнуться, и серьезную Ольгу съ браунингомъ въ рукахъ.

—Товарищи! Мои приказанія не отмѣнены. Прибавлю только еще одно: если кто рѣшится завтра отступить или спрятаться, я его застрѣлю изъ этого браунинга такъ же, какъ я. . . ну, какъ мы переговорили сейчасъ съ товарищемъ Краемъ. Онъ „тоже" будетъ стрѣлять. Что я мѣтко попадаю, докажетъ вамъ эта пуля въ стѣнѣ въ томъ самомъ мѣстѣ, куда я мѣтила. Онъ свидѣтель. Не правда-ли?

—Д. . да, произнесъ Борисъ.

—Ну, такъ вотъ. Намъ нужно отдохнуть. Ступайте; вы напрасно испугались выстрѣла. Впрочемъ и я виновата, что не предупредила о нашей пробѣ! Ха-ха-ха! До свиданія, товарищи! . . Да, вотъ что! Если что случится до 6 ч. утра—сейчасъ

же сообщите мнѣ; я не лягу спать. А ты, мой другъ, ложись. Ты очень усталъ. На завтра надо имѣть вѣрную руку. Ну, ну! Ложись вотъ тутъ: видишь какъ хорошо — и пологъ есть и мягкая постель—у дворниковъ всегда куча перинъ.

Я похолодѣлъ. Сейчасъ меня откроютъ и тогда, въ ихъ состояніи, очевидно, по головкѣ меня гладить не будутъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ придется отрѣчься отъ своихъ политическихъ взглядовъ, потому что Оля врядъ ли признаетъ теперь вообще какіе нибудь взгляды! Къ счастью студенты немедленно ушли, а Ольга сѣла опять къ столу, положивъ браунингъ около себя. Борисъ постоялъ еще нѣсколько минутъ, потомъ дѣланно презрительно пожалъ плечами, махнулъ рукой и, молча, пошелъ спать. Постель была между печкой и стѣной, въ пространствѣ настолько широкомъ, что тутъ могли бы умѣститься не одинъ дворникъ со своею дворничихой. Этимъ я только и объясняю то, что я избѣжалъ серьезной таки опасности. Борисъ не очень выбиралъ мѣсто и такъ какъ въ комнатѣ было очень жарко, то и не стремился къ печкѣ, къ которой я прижался вплотную. Кромѣ того я лежалъ головой къ комнатѣ, а онъ, разумѣется головой на подушкахъ, къ стѣнѣ.

Но, читатель, имѣетъ ли право человѣкъ не уничтожать попавшуюся ему под руку ядовитую гадину, вредную для его ближняго? Не обязанъ ли онъ, рискуя даже собой, раздавить вредоносное насѣкомое? Да? Ну, такъ ты же самъ, читатель, виноватъ, что я не вскочилъ и не обагрилъ свои руки кровью. . . нѣтъ, нѣтъ! не задушилъ своими руками этого гадкаго Бориса, вождя „освобо-

дителей“, быстро захрапѣвшаго около меня; я, вѣдь, видѣлъ все время блѣдное, изстрадавшееся и все же рѣшительное лицо Ольги! Я, вѣдь, слышалъ храпъ со свистомъ этого освободительнаго болтуна и труса, старающагося избѣжать опасности подъ предлогомъ, что „главнокомандующій не лѣзетъ въ рукопашный бой“... но ты, читатель, вѣдь требуешь, чтобы Ольга испила чашу до дна, а я заглянулъ въ это дно и разсказалъ тебѣ, что, тамъ? Такъ вѣдь? Я продолжаю, не раздавивъ товарища Край.

IX.

Въ этотъ годъ зима стояла ясная, но суровая. Солдаты, вынужденные дни и ночи дежурить на улицахъ, подъ неожиданными выстрѣлами изъ за баррикадъ, а главное съ чердаковъ и изъ форточекъ, естественно озлоблялись и пощады не знали. Сами защитники баррикадъ при первой возможности старались улизнуть, потому что все-таки своя рубашка ближе къ тѣлу; перспектива или быть застрѣленнымъ или замерзнуть мало кому улыбалась. Вожди освобожденія почти всѣ успѣли скрыться подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, кромѣ, конечно, такихъ какъ Борисъ, который былъ слишкомъ труслившъ, чтобы рисковать своей шкурой въ смѣломъ побѣгѣ и потому сердился на каждое препятствіе, возникавшее у него на пути къ спасенію; встрѣтивъ таковое, такіе господа дѣлались дерзки, просто нахальны, думая этимъ осилить своихъ товарищей,

менѣе вліятельныхъ въ партіи, болѣе молодыхъ и не опытныхъ. Многимъ это и удавалось, если они не попадали на энергичный отпоръ. Трагизмъ Бориса заключался именно въ томъ, что онъ встрѣтился и слишкомъ близко сошелся съ Ольгой. Хоть я и презираю Бориса, но мнѣ кажется, все-таки, что человѣкъ, какъ-бы онъ низокъ ни былъ, пока онъ остается человѣкомъ, сохраняетъ если и не чувство чести, раскаянія, то все же слабое представленіе о немъ. Нераскаянный преступникъ, убившій отца и мать, или какъ это сдѣлалъ совершенно сознательно не такъ давно, одинъ 20 лѣтній влюбленный юноша, разбившій три черепа: своей матери, старшей сестры (во время ея игры на роялѣ) и 6 лѣтней сестренки (боясь свидѣтельницы)—все это изъ-за нѣсколькихъ сотъ рублей нужныхъ ему для подарка довольно таки бездушной невѣстѣ— и этотъ Каннибалъ навѣрное хотя бы въ ночные часы, очень рѣдкіе, правда, но все же чувствуетъ какую то мышь, которая скребетъ у него въ груди. Разумѣется онъ быстро и легко прогоняетъ эту мышь, но все таки нельзя, по человѣчеству, утверждать, что существуетъ на свѣтѣ двуногое созданіе, вовсе лишенное чувства сожалѣнія, раскаянія, чувства—минутнаго проясненія. Поэтому я полагаю, что и въ Борисѣ что-то шевельнулось въ ту ночь, когда онъ храпѣлъ рядомъ со мной. Что онъ быстро заснулъ, это было естественно, такъ какъ усталость была велика, и потрясенные нервы могли выдерживать дольше, только при постоянномъ возбужденіи; но разъ коснувшись мягкаго ложа, тѣло уподоблялось ключу, быстро погружающемуся въ холодную, быстробѣгущую

рѣку и увлекало за собой душу. Я долженъ сказать, чтобы быть справедливымъ, что черезъ часъ—два Борисъ проснулся и лежалъ, бодрствуя, но неподвижно. По его тяжелымъ, глубокимъ вздохамъ можно было судить, что внутри его идетъ жестокая работа. Не стану разбирать ея, тѣмъ болѣе, что отвѣтственность за правильность этого разбора лежала бы только на мнѣ: Борисъ не произносилъ ни слова. Я продолжалъ наблюдать за Ольгой. Она все сидѣла неподвижно, глядя въ одну точку на столѣ. Брови были чуть-чуть нахмурены. Щеки блѣдны. Несомнѣнно, она раза два засыпала, но только на нѣсколько минутъ, и потомъ, встряхнувъ головой и недоумѣло взглянувъ кругомъ, снова погружалась въ задумчивость.

Странно медленно тянулось время. По моимъ соображеніямъ до 6 ч. утра оставался еще цѣлый часъ, а въ дворницкой было такъ тихо и съ улицы не доносилось никакихъ звуковъ. Уже нѣсколько дней, съ тѣхъ поръ, какъ возникла „великая революція“, нашъ огромный городъ вымеръ: даже днемъ окна магазиновъ забиты досками; движеніе прекратилось, вечеромъ всѣ окна черны, какъ нечистая совѣсть. Что же ночью?

X.

Было приблизительно безъ четверти 6 ч. утра когда Ольга, точно очнувшись отъ сна, встала глубоко вздохнула и громко окликнула Бориса Тотъ не сразу вышелъ изъ-за полога. При блѣд-

номъ мерцаніи догоравшей свѣчи я замѣтилъ, что онъ какъ то лѣниво натягивалъ на себя пальто, засовывалъ въ карманы патроны, вообще вооружался. Ольга же все время смотрѣла на него въ упоръ. Ни слова не было произнесено между ними. Наконецъ, когда онъ былъ уже „во все—оружіи“ я услышалъ слѣдующій тихій-тихій разговоръ:

—Боря. . .

—Что тебѣ?

—Боря! Мы идемъ на. . . на смерть. . .

—Оставь громкія слова. . .

—Боря! Неужели такъ таки ничего ты мнѣ и не скажешь? Вѣдь, если насъ и не подстрѣлятъ, то схватятъ, и мы не будемъ въ одной тюрьмѣ. . . А тамъ. . . Господи. . .

—Чего ты хочешь?

—Боря! Одинъ разъ. . . только одинъ. . . поцѣлуй меня. . . на прощанье. .

—Ну, вотъ. . . бабьи нѣжности. . . И такъ не сладко. . . Идемъ. . . Ну что же стоишь? . . Сама задумала.

—Боря! . .

Онъ вдругъ повернулся, быстро подошелъ къ ней и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ. . .

Не хочу быть пристрастнымъ, но все же мнѣ показалось. . . мнѣ почудилось, что онъ поцѣловалъ ее лишь, какъ бы отбывая какую то повинность, лишь чтобъ отвязаться. . . Она со всею страстью молодой, не вполнѣ распустившейся любви, новаго неизвѣданнаго чувства и въ сознаніи невѣдомаго грядущаго: она черпала въ поцѣлуѣ этого пошлаго, обыкновеннаго „освободителя“ силу на предстоящій, какъ ей казалось, подвигъ, хоро-

нила невольныя воспоминанія прошлаго, освящала передъ возможной и почти навѣрной смертью свой нежданный грѣхъ—словомъ въ одну секунду переживала то, что ей должно было дать силы, чувствовать себя вновь собой, а не погибшимъ созданіемъ, что должно было укрѣпить ея духъ и руку, оправдать ея въ глазахъ ея самой.

Да! Да! Она опьяняла себя. . . Минута, слишкомъ короткая, минута прошла. Онъ, какой-то сѣрый, таращилъ глаза, стараясь придать себѣ бодрый видъ; она оглянулась кругомъ точно ища чего то, схватила со стола браунингъ и приняла насильственно гордый видъ. Видимо рѣшилась. . .

Ольга указала Борису на дверь. Тотъ вышелъ впередъ. Отставъ шага на три, Ольга вдругъ, неожиданно, кажется, и для себя самой, быстро быстро перекрестилась три раза, чисто по дѣтски, какъ крестимся мы всѣ, когда идемъ на экзаменъ, въ младшихъ классахъ, и — ушла.

Въ этомъ жестѣ было что то такое чистое, наивное, милое, что я, сознавая обстановку и время, когда это произошло, невольно даже привскочилъ за своимъ пологомъ.

Ахъ, милая, милая Оля! . . Вѣдь, бываетъ же такъ, что какъ ни хочетъ самъ человѣкъ запачкаться—не пристаетъ къ нему грязь, и онъ стряхиваетъ ее самымъ простымъ, самымъ дѣтски-наивнымъ жестомъ.

Увы! бываетъ и такъ, что въ какую бы тогу, въ какое бы золото ни рядился человѣкъ,—на этой тогѣ, на этомъ золотѣ непремѣнно найдется грязное пятно, и ничто не въ силахъ его смыть. . .

Я осторожно сползъ съ тысячи пуховиковъ, на-

которыхъ лежалъ и очутился наконецъ-то на свободѣ. Первымъ дѣломъ, я потушилъ забытую Ольгой свѣчку, тѣмъ болѣе, что въ маленькое, полузамерзшее окно уже начиналъ пробиваться робкій свѣтъ, быстро надѣлъ тулупъ и махнатую шапку, которыми запасся ранѣе, когда собирался наблюдать за Ольгой, и вышелъ на улицу.

XI.

Холодно. И какъ могутъ эти юноши, студенты и гимназисты, эти дѣвушки, въ ихъ вѣтромъ подбитыхъ пальтишкахъ, голыми руками крѣпко сжимать браунинги и неизвѣстно какъ къ нимъ попавшія солдатскія ружья и съ такимъ серьезнымъ видомъ стоять у самыхъ баррикадъ, такъ нелѣпо вырисовывающихся въ полу-свѣтѣ восходящаго зимняго солнца? . .

Добро бы еще, если бы они знали, для чего вся эта трагикомедія! А то и этого, вѣдь, нѣтъ!

Руки и ноги мерзнутъ, голодъ бурчитъ въ животѣ. а уйти „нельзя“, потому что тамъ, гдѣ то ждетъ ихъ подвига невѣдомый братъ. . . А зачѣмъ?

Всѣ они о чемъ то шептались.

Выйдя изъ дворницкой, я остановился, ибо совершенно не зналъ куда же мнѣ дѣться и вовсе не желалъ стоять подъ разстрѣломъ. Я даже ужъ раскаивался въ своемъ предпріятіи и готовъ былъ проклясть мое увлеченіе Ольгой. Но „что-то мнѣ шептало“. . . и этому шопоту я довѣрился. Никто не обратилъ на меня вниманія, ибо всѣ были оза-

боченны своимъ дѣломъ: да если бъ кто и спросилъ меня, кто я такой, то я бы сумѣлъ отвѣтить: не даромъ пролежалъ я на перинахъ дворника всю ночь и слышалъ ихъ лозунги и пароли.

Выйдя на улицу, я замѣтилъ полуоткрытую парадную дверь (очевидно жильцы выѣхали, и, можетъ быть, до баррикадъ еще); въ эту то дверь я, воспользовавшись всеобщей озабоченностью, и проникъ, и притаился за ней до поры до времени. Мнѣ было великолѣпно видна вся баррикада, нагроможденная въ двухъ шагахъ отъ меня. Этой баррикадой командовала сама Ольга. Тутъ же былъ и Борисъ. Чего же мнѣ „хладнокровному наблюдателю" было еще искать? . .

15 минутъ или полчаса прошло съ тѣхъ поръ, какъ я занялъ свой наблюдательный постъ, я бы не могъ опредѣлить. Время прошло незамѣтно для меня и, по-видимому, томительно для защитниковъ баррикады, такъ какъ они приходили все въ большее и большее нервное настроеніе.

Вдругъ до моего слуха донеслось одно слово, сказанное шопотомъ, только одно, но это былъ сигналъ. . .

—Солдаты.

Быстро вскарабкались товарищи на баррикаду и открыли огонь. Одновременно раздались выстрѣлы съ крышъ и чердаковъ. Очевидно, дѣло было организовано какъ слѣдуетъ. Въ первую минуту изъ-за баррикады я не могъ разобрать—стрѣляютъ ли съ той стороны, или нѣтъ? Но вдругъ близко отъ меня прожужжало что-то . . . еще. . . еще. . . И пошла писать. Сначала, мнѣ показалось, войска брали прицѣлъ слишкомъ высоко (быть можетъ

нарочно), но потомъ я ясно разслышалъ хриплый, усталый голосъ, скомандовавшій стрѣлять въ упоръ, и тогда то насталъ ужасъ! Сразу свалилось съ баррикады нѣсколько человѣкъ. Кто корчился въ ужасныхъ мученіяхъ, кто, странно взмахнувъ руками, падалъ тяжело, грузно, и оставался неподвижнымъ. Явились носилки, ибо у революціонеровъ была организована, и весьма порядочно, медицинская помощь, вродѣ Краснаго Креста. Началось сраженіе, дикое, безумное, ужасное.

Раздался первый выстрѣлъ изъ орудія. Онъ былъ тоже сдѣланъ поверхъ баррикады, но произвелъ своей стихійностью такое впечатлѣніе на защитниковъ ея, что многіе бросились бѣжать. И тутъ то я собственно впервые увидѣлъ Ольгу на ея посту.

Раньше я, оглушенный, потрясенный, потерялъ ее изъ виду, и даже, какъ-то забылъ ее, какъ все и вся. Но теперь я увидалъ ее на самомъ гребнѣ баррикады около краснаго флага. Она держалась лѣвой рукой за древко, правая — сжимала браунингъ. Рядомъ съ ней, но нѣсколько пониже и постоянно присѣдая, помѣщался Борисъ.

Оба они были блѣдны до чрезвычайности, но-или мнѣ такъ ужъ показалось—въ ея блѣдности было что то рѣшительное, а онъ былъ просто блѣденъ отъ страха, и въ то же время не смѣлъ покинуть свой опасный постъ.

И вотъ когда грянуло первое орудіе и нѣсколько защитниковъ баррикады бросились бѣжать, я прямо-таки остолбенѣлъ отъ неожиданности. . .

Да, читатель, я самъ, собственными глазами видѣлъ, какъ товарищъ Нина, не покидая своего

мѣста, рѣзко повернулась спиной къ войскамъ: я самъ слышалъ, какъ она пронзительно, чтобы быть услышанной, крикнула:

—Стойте, трусы! Кто сдѣлаетъ шагъ еще, я застрѣлю его сама!

Впечатлѣніе было чрезвычайное. Мнѣ показалось даже, что стрѣльба со стороны войскъ затихла на минуту.

И дѣйствительно многіе изъ бѣглецовъ остановились. Но были и такіе, которые въ безумномъ страхѣ продолжали бѣжать вдоль улицы. И вотъ тутъ произошло нѣчто невѣроятное, для меня по крайней мѣрѣ: какой-то тщедушный студентъ торопливо слѣзалъ съ баррикады, на верхушку которой онъ на моихъ глазахъ чуть ли не первый взобрался, съ весьма смѣлымъ видомъ.

—Стой, Бернштейнъ! крикнула ему Ольга, но студентъ, цѣпляясь за столы, бочки, бревна, торопился слѣзть. И я слышалъ только одинъ сухой, рѣзкій звукъ. Товарищъ Нина быстро опустила руку и повернулась вновь по направленію врага. Какъ то свернувшись, сложившись пополамъ, почти внизу баррикады между ножекъ опрокинутаго стола лежалъ трупъ Бернштейна. И опять многіе изъ бѣгущихъ остановились и, какъ будто не-хотя, стали стягиваться къ баррикадѣ.

Борисъ выглядѣлъ совсѣмъ жалко.

А она. . .

Я знаю васъ, читатели для времяпрепровожденія! Въ этомъ мѣстѣ вамъ становится уже скученъ мой разсказъ. Богъ съ вами.

Я знаю и васъ, милыя читательницы романовъ! Вы ждете любви; разумѣется, по вашему, я бе-

зумно влюбленъ въ Ольгу, и будь она плодъ моей фантазіи или дѣйствительность—она должна спастись.

О васъ, Господа читатели, любители интрижекъ и гмъ. . . гмъ. . . позвольте мнѣ не говорить сегодня. Я, можетъ быть, тоже гмъ. . . гмъ. . . но именно сегодня мнѣ не повинуется мое перо и пишетъ, чертъ его знаетъ, совсѣмъ не то, что-бы я хотѣлъ. Я говорю ему: заткни дула ружей, пушекъ и браунинговъ! поставь столы, изъ которыхъ сдѣлана баррикада, на мѣсто, и повѣсь ворота, служащія ей фундаментомъ на ихъ петли; дай мнѣ послушать, какъ будетъ щебетать милая Оля на груди доблестнаго и умнаго Бориса,—а оно скрипитъ и брызжетъ чернилами, напоминая выстрѣлы и капли крови.

Васъ, вышеназванныхъ, я не удовлетворю. Но я надѣюсь, что иныхъ читателей, чувства которыхъ не огрубѣли и не закалились подъ ударами судьбы, или не разслабли подъ ея же вліяніемъ (благо она безотвѣтна), ихъ всетаки заинтересуетъ, что же произошло дальше? Какъ, Ольга убила человѣка? Такъ какъ же оставить ее теперь? О, разумѣется, я не оставлю ее и доскажу любопытному все до-конца. . .

Кажется перестрѣлка, почему-то, немного затихла.

XII.

То, что показалось мнѣ затишьемъ, продолжалось не больше минуты. Снова застукало со

всѣхъ сторонъ сухо, рѣзко, страшно. Снова раздались хриплые, опьяненные голоса. Но теперь уже черезъ весь этотъ гулъ прорѣзывался повелительный голосъ Ольги. Она командовала, и какъ! Товарищи, видимо, окончательно поддали влiянiю этой красивой, энергичной, возбужденной женщины. Кто знаетъ? быть можетъ, при другихъ условiяхъ, при другихъ причинахъ, этой отчаянной, но нелѣпой борьбы и мы имѣли бы свою Орлеанскую Дѣву!

Крѣпко прижавшись къ полуоткрытой двери, я прямо-таки пожиралъ глазами Ольгу. Она была велика, она была воительница.

Стоя все въ той же позѣ на гребнѣ баррикады, держась лѣвой рукой за древко флага, а правой стрѣляя непрерывно изъ браунинга, который заряжалъ для нея Борисъ, она была величественна и—ужасна. Увы! За Бернштейномъ послѣдовалъ уже не одинъ товарищъ. Ольга безумѣла.

Вдругъ что-то, какъ-бы дернуло ея платье. Она удержалась, но сейчасъ же быстро соскочила съ баррикады, схвативъ за руку Бориса. Тотъ послѣдовалъ за ней. Это было дѣломъ мгновенiя. Быстро отбѣжавъ въ сторону, Ольга съ Борисомъ остановились въ двухъ шагахъ отъ моей двери и я ясно услышалъ шопотъ ея.

—Не смѣй больше лѣзть на баррикаду! Оставайся здѣсь: ты нуженъ послѣ. Мы побѣдимъ, но ты подвергаешься слишкомъ большой опасности. Сейчасъ пуля пробила мое платье, а ты такъ близко отъ меня! Ни слова! Я требую: я начальница. Стой здѣсь. Я сейчасъ вернусь. Или нѣтъ: иди туда, на М. . . переулокъ; посмотри, что тамъ дѣ-

лается и немедленно доложи мнѣ. И она быстро ушла на свой постъ.

Боже! Что это былъ за шопотъ! Сколько страсти!.. Сколько нѣжности, заботы о любимомъ человѣкѣ въ немногихъ словахъ! Сколько забвенія! Да! Въ эти ужасныя минуты, въ ней, въ безстрашной, даже жестокой Ольгѣ не заснула женщина, любящая, быть можетъ уже будущая мать, ни на секунду! Она спасала своего Бориса отъ опасности, и спасала чисто по-женски, но безконечно трогательно: наивной ложью, хитростью, прикрытой напускной суровостью.

Понялъ-ли онъ весь трагизмъ этой минуты? Я отдаю ему справедливость: когда Ольга быстро бросилась къ баррикадѣ, онъ сдѣлалъ за ней нѣсколько шаговъ. Но. . . потомъ остановился. Что пронеслось въ мозгу этого человѣка, смотрѣвшаго на то, какъ Ольга, эта нѣжная, привыкшая къ паркету, Ольга, карабкалась на навороченный хламъ, безъ посторонней помощи, она, которая еще мѣсяцъ назадъ, не знала, какъ сѣсть въ экипажъ безъ услуги расторопнаго швейцара? Что пронеслось? Да и пронеслось ли? Онъ круто повернулъ и пошелъ въ противоположную сторону.

Сраженіе продолжалось. Ольга стрѣляла въ солдатъ и подбодряла своихъ. Но ея выстрѣлы стали уже рѣже: нѣкому было заряжать ей браунинга, а ей самой было это трудно: не легко стоять на баррикадѣ въ башмакахъ съ модными каблуками. Пули свистѣли, но къ счастью для меня, мимо Ольги.

Вдругъ что-то ухнуло, Окна зазвенѣли. Меня отбросило отъ двери и больно ударило ею. Я

упалъ. Когда я вскочилъ, слегка оглушенный, но не потерявшій сознанія, я увидѣлъ страшную картину. Въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ меня разорвался снарядъ, образовавъ глубокую воронку въ мостовой; камни выворочены—и кругомъ нѣсколько неподвижныхъ тѣлъ. Это было ужасно. . . Баррикада была еще цѣла и на ней все-же стояла Ольга; но защитниковъ ея уже не было—всѣ разбѣжались въ страхѣ: снарядъ разорвался слишкомъ близко отъ нихъ. Черезъ секунду соскочила и Ольга и какъ безумная бросилась бѣжать. Я слѣдилъ въ страхѣ: что-же будетъ?

Ольга прямо бросилась въ середину, на-половину разорванныхъ, тѣлъ и стала искать. . . Я понялъ, кого она ищетъ. . . Не понимаю, почему войска сейчасъ-же не разобрали баррикаду и не переловили всѣхъ оставшихся въ живыхъ и перепуганныхъ защитниковъ ея. Былъ-ли тутъ разсчетъ, была-ли осторожность, ибо естественно было предположить, что революціонеры засѣли по пустымъ квартирамъ и чердакамъ этого района и командующій войсками не хотѣлъ подвергать ненужной опасности ввѣренныхъ ему людей — но какъ бы то ни было, на сегодня, какъ оказалось, войска прекратили стрѣльбу, удовлетворившись этой разрушительной бомбой. Правда. . . ночью..., но это послѣ.

Окончательно оправившись отъ сотрясенія и испуга, я осмѣлѣлъ настолько, что вышелъ изъ моей засады, тѣмъ болѣе, что кругомъ все было тихо. Зловѣще, угнетающе тихо, но нервы были такъ уже притуплены, или, вѣрнѣе, напряжены, что никакая опасность не сознавалась.

Я вышелъ на улицу и увидѣлъ, что Ольга все еще ищетъ. . . Это было страшно. Вся она была выпачкана въ крови труповъ, которые она ворочала во всѣ стороны. Волосы ея растрепались окончательно; глаза налились; судорога ужаса подергивала ея, страшно осунувшееся, блѣдное, даже зеленое, лицо. Она искала. . . . Я хотѣлъ приблизиться къ ней, но она взглянула на меня такимъ взглядомъ, что я остановился въ двухъ шагахъ отъ нея, рѣшивъ не спускать съ нея глазъ, но и не мѣшать ей. Я никогда не забуду этого взгляда! Онъ былъ безуменъ несомнѣнно, но пересохшія губы улыбнулись мнѣ. . . да, да! улыбнулись, какъ-то безпомощно, виновато, по-дѣтски. . . Она покачала отрицательно головой. . .

Въ это время я увидалъ, черезъ два три труппа отъ Ольги, тѣло—слишкомъ мнѣ знакомое! Сомнѣваться было нельзя, хотя это тѣло было изодрано, безъ ногъ, и,—ужасно вспомнить!—безъ головы... Но это было его платье, это была его рука, слегка согнутая на спинѣ, какъ будто предохраняющая отъ удара. . . Но голова, голова! Она была оторвана по самыя плечи. . . Тѣло лежало на груди... Да, вѣдь, во время взрыва, Борисъ шелъ отъ баррикады!!. Я застылъ въ ужасѣ, ожидая, что будетъ, когда Ольга приблизится къ этимъ останкамъ, любимаго ею человѣка, ея супруга передъ совѣстью. . . Я почти хотѣлъ, что-бы она опозналась. . . Кругомъ—ни души. Ни звука. Холодный потъ пробѣжалъ по спинѣ.

Ольга тщательно осмотрѣла еще два изуродованныхъ трупа.

Боже! сейчасъ.

Убѣдившись, что послѣдній осмотрѣнный ею трупъ, не Борисъ, Ольга тяжело поднялась съ колѣнъ и остановилась въ нерѣшительности: рядомъ не было ничего. (Борисъ лежалъ въ нѣсколькихъ шагахъ). Растерянная, жалкая, она опять мотнула головой и какой-то слабый проблескъ надежды сверкнулъ въ ея глазахъ. Она опять взглянула на меня, но, очевидно, и не замѣтила меня.

И вдругъ взглядъ ея упалъ на эту безформенную массу. Сначала какъ-то равнодушно, какъ-бы исполняя какую-то формальность, она сдѣлала два, три шага по направленію Бориса (да, теперь я былъ уже убѣжденъ, что это онъ!) остановилась, потомъ еще шагъ. . . вглядѣлась— и бросилась къ трупу, упала на колѣни передъ нимъ и стала что-то лихорадочно, нервно искать, копошилась въ этихъ окровавленныхъ комьяхъ, еще недавно бывшихъ человѣкомъ, ей столь близкимъ! Ужасъ объялъ меня, когда я услыхалъ хриплые звуки, вырывавшіеся изъ ея устъ. . .

—Да. . . да. . . Вотъ онъ, вотъ онъ! Я нашла тебя, Боря!. Неужели ты сомнѣвался? . . . Ну полно, не притворяйся больше мертвымъ. . . Все тихо. . Слышишь, какъ тихо? . . . Вставай, вставай! . . . Бѣжимъ изъ этого проклятаго мѣста. . . Ахъ, да, да, да! Я вижу: ты не можешь. . . У тебя оторвали ноги эти про. . . проклятые солдаты. . . Но это ничего—я тебя донесу. . . . Но, Господи! Гдѣ же. . . Господи. . . Гдѣ же. . . Нѣтъ. . . Гдѣ же голова его? Вѣдь онъ живъ, не правда-ли? Вдругъ повернувшись ко мнѣ, какъ то жалобно спросила она: Вѣдь не можетъ же быть? Такъ? Да. . . Гдѣ же голова? О, Господи! . . .

Я молча покачалъ головой. Голосъ не повиновался мнѣ.

Тогда она, какъ будто, что-то сообразивъ, начала судорожно искать вокругъ трупа. . . голову Бориса! Она приподнимала его, она ощупывала плечи, озиралась недоумѣвающе кругомъ, даже трясла его, какъ-бы желая разбудить его... Я былъ близокъ къ потери сознанія и обезсилѣлъ до того, что не зналъ, что предпринять.

Я не замѣтилъ, какъ робко крадучись, подошли нѣсколько товарищей и окружили насъ въ безмолвномъ ужасѣ. Мы стояли неподвижно, а Ольга все еще шептала и... искала...

—Господи... да зачѣмъ же они голову унесли?.. Вѣдь, я не могу поцѣловать его, если онъ захочетъ уйти!. Послушайте, вѣдь онъ живъ, живъ?... Но гдѣ же голова?... Вѣроятно вся эта суета продолжалась не долго, но я потерялъ уже счетъ времени. Для меня протекла цѣлая вѣчность. Помню, что, наконецъ, мы съ трудомъ оторвали бѣдную женщину отъ трупа, взяли его на носилки и понесли куда-то. Ее велъ я, и еще какой-то товарищъ. Пока мы шли, Ольга еще нѣсколько разъ произнесла:

—Вѣдь онъ живъ?.. Правда? Такъ зачѣмъ же они взяли голову?..

Потомъ вдругъ замолкла, и на лицѣ ея появилось выраженіе жестокости, даже, свирѣпости. Она злобно оглядывала насъ всѣхъ, сидящихъ вмѣстѣ съ ней въ какомъ-то чуланѣ и ея блѣдныя губы странно шевелились.

Трупъ Бориса зарыли въ какомъ-то погребѣ, какъ я узналъ потомъ, чтобы скрыть его отъ глазъ Ольги.

Въ чуланѣ шло совѣщаніе на завтра. Меня не стѣснялись, ибо принимали за своего.

Часъ или два раздавались рѣчи. Ольга слушала и вдругъ встала. Глаза ея сверкали. Она тяжело дышала.

—Товарищи! Сказала она какъ-то неестественно спокойно, черезъ-чуръ дѣловито.—Все это вздоръ! Завтра, завтра—не сегодня, такъ лѣнивцы говорятъ! Это мы знаемъ еще со школьной скамьи. Нѣтъ! Именно сегодня—сейчасъ, мы всѣ, сколько насъ тутъ ни на есть, обязаны во-имя. . . ну да во имя чего-бы тамъ ни было, броситься во вражескій станъ и отомстить. . . отомстить за измѣнническую бомбу! . .

Она говорила еще что-то, но тутъ поднялся шумъ: бредъ, обезумѣвшей отъ горя женщины, они приняли за рѣчи на военномъ совѣтѣ! . . Я не разобралъ, что тутъ говорилось, и бросился вонъ изъ коморки, вслѣдъ убѣжавшей Ольги.

Она не бѣжала,—она неслась. Я едва поспѣвалъ за ней. . . Вотъ ужъ близко чернѣетъ нелѣпая громада баррикады. Я могу различить въ темнотѣ, какъ Ольга, кошкой, вскарабкивается на свое, прославленное ею уже мѣсто, и вижу, короткіе, слишкомъ яркіе въ ночи, огоньки ея выстрѣловъ. Боже! что она дѣлаетъ? Я удвоилъ свои силы и—когда я былъ въ разстояніи 2—3 шаговъ отъ баррикады, я ясно расслышалъ на морозномъ воздухѣ одинъ, только, единственный выстрѣлъ съ противной стороны: что-то хруснуло, что-то загремѣло... Я подбѣжалъ, когда Ольга лежала уже внизу, на боку. Одна рука ея была подъ ней; другой она крѣпко держала полусломанный стулъ, за который очевид-

но схватилась въ своемъ паденіи. Она была мертва. Что-то липкое, и еще теплое, сочилось по ея разбитому лицу. . .

Эта ночь была очень морозная. Или мнѣ такъ показалось. . . Я бросился бѣжать и незнаю, какъ очутился дома.

А. Анненскій.

Къ умершей.

Ты умерла. Надъ гробомъ пѣли:
Цвѣты вокругъ чела пестрѣли,
А ты лежала, какъ во снѣ—
Живая... Прислонясь къ стѣнѣ,
Стоялъ и думалъ я: „ужели
Была къ тому ты рождена,
Чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ, блестя красою,
Могилу собственной рукою
Себѣ ты вырыла сама?
Ужели не было исхода?
Ужели Божія природа
Передъ тобой была нѣма?
Куда теперь твой взоръ застывшій,
Въ былые дни къ себѣ манившій,—
Въ какія дали устремленъ?
Твой духъ забылъ ли жизни ласки,
И въ миръ иной такъ скоро онъ
Рукою слабой погруженъ?
Иль недослушанныя сказки,—
Воспоминаній милыхъ рядъ—
Его еще къ себѣ манятъ?
Въ тотъ часъ, когда тебя могилы
Впервые холодъ пронизалъ—
Въ тотъ часъ ужели образъ милый

Твоей руки не удержалъ?
Иль ты, близь насъ, была не съ нами?
Тебя звала ль иная даль?
Скрывала ль ты передъ друзьями
Имъ непонятную печаль?
О, ты пойми мое желанье
И молви, молви въ оправданье,
Что умерла ты, насъ любя!“ . . .
И какъ живая, ты лежала,
И на рѣсницахъ у тебя
Слеза раскаянья дрожала.

А. Эмге.

ТРИ ПРІЕМА.

I.

Въ 1846 году, зимою, въ 9-мъ часу утра къ большому барскому дому, нѣкогда принадлежавшему графамъ Пронскимъ, подходила женщина. Одѣта она была въ салопъ съ рукавами, расширенными къ кистямъ рукъ; платокъ, зашпиленный у горла, аккуратно обхватывалъ голову; въ рукахъ, безъ перчатокъ, она держала большую, толстую, мѣховую муфту.

Подойдя къ самому дому, женщина перекрестилась, взобралась на нѣсколько ступенекъ къ входнымъ дверямъ и съ усиліемъ ихъ отворила. Глазамъ ея представилась огромная передняя, вся заставленная вѣшалками, на которыхъ висѣло самое разнообразное платье.

Справа отъ входной двери, въ глубинѣ, поднималась вверхъ роскошная лѣстница; съ этой же стороны, около стола, сплошь покрытаго шарфами и шапками всѣхъ фасоновъ, стоялъ человѣкъ, напоминающій собою дьячка, худой, съ вытянутымъ лицомъ, одѣтый въ длинный неопредѣленнаго цвѣта кафтанъ. Этотъ человѣкъ, не трогаясь съ мѣста, обратился къ вошедшей женщинѣ:

—Чего нужно?

—Мнѣ бы, служивый, директора повидать, вкрадчиво сказала женщина.

Въ отвѣтъ на это послѣдовало молчаніе; служивый даже позы не перемѣнилъ. Тогда женщина подошла къ нему и положила въ протянутую, какъ разъ во-время, руку большую мѣдную монету.

—Гришка, пострѣлъ, гдѣ ты запропастился?— крикнулъ служивый.

Какъ изъ-подъ земли выскочилъ шустрый мальчуганъ, лѣтъ около десяти, и бойко сказалъ:

—Я здѣсь, дяденька!

—То-то, здѣсь. . . я тебѣ дамъ!—проворчалъ служивый. . . бѣжи къ директору и скажи, что какая-то женщина дожидается ихъ.

Гришка мигомъ шмыгнулъ между вѣшалокъ и черезъ секунду лупилъ уже по двору къ выступавшему впередъ крыльцу съ дверью обитою чѣмъ то снаружи. У двери на крыльцѣ стоялъ въ казакинѣ парень и сердито выбивалъ форменную одежду.

—Здравствуй, Власъ!—крикнулъ Гришка,—меня послали къ директору!

—Такъ и пустилъ!—буркнулъ Власъ,—много васъ, сопляковъ, тутъ бѣгаетъ!

Но Гришка не смутился: онъ зналъ, какъ дѣйствовать.

—Да тамъ, у! какой важный баринъ прѣхалъ!— смѣло совралъ Дришка.

—Небось вашъ скареда огребаетъ деньги! Жди тутъ!—сказалъ Власъ и, забравъ одежду, пошелъ въ домъ.

Здѣсь онъ, не торопясь, повѣсилъ одежду на перилахъ внутренней лѣстницы и смѣло открылъ дверь въ смежную комнату, въ которой, за столомъ у самовара, сидѣлъ старичекъ въ халатѣ и

туфляхъ, покуривая трубку.

—Что тебѣ?—обратился онъ къ Власу.

—Въ гимназіи васъ ждутъ.

—Дуракъ! ждутъ!—передразнилъ старичекъ.—Не знаешь что ли, болванъ, что надо позвать экзекутора!

Власъ стоялъ.

—Ну что стоишь, олухъ, зови скорѣе!

Власъ медленно вышелъ на крыльцо и крикнулъ Гришкѣ:

—Экзекутора зови сюда!

Гришка понесся стрѣлою назадъ и влетѣлъ въ швейцарскую.

—Дяденька, велѣно звать экзекутора,—доложилъ Гришка.

Служивый не шелохнулся, а только съ мѣста крикнулъ: „Захаръ Анемподистовичъ, васъ къ директору требуютъ!“

Изъ двери, которую сразу трудно было замѣтить, находившейся слѣва отъ парадной лѣстницы, вынырнула, въ мундирѣ, сухая и длинная фигура одного типа съ служивымъ и, скользнувъ между вѣшалками, скрылась.

Захаръ Анемподистовичъ, какъ былъ въ мундирѣ, безъ шапки, мелкими, подслуживающимися шагами бѣжалъ по снѣгу двора къ знакомому уже намъ подъѣзду.

Поднявшись по лѣстницѣ, онъ почему-то одернулъ мундиръ, похлопалъ руками по штанамъ, почтительно отворилъ дверь, поднялся по внутренней лѣстницѣ и увидѣлъ Власа, медленно свертывавшаго платье.

Что, можно?—едва слышно спросилъ экзекуторъ.

—Коли звали, значитъ надоть!--безъ всякаго уваженія отвѣтилъ Власъ,—ступайте!

Экзекуторъ еще разъ одернулъ мундиръ, тихонько полуотворилъ дверь и просунулъ часть своей тощей фигуры внутрь комнаты.

Замѣтивъ экзекутора, или, вѣрнѣе сказать, лишь половину его, старичекъ сказалъ, не выпуская трубки изо рта;

—Иди-ка сюда, Захаръ Анемподистовичъ. Кто это тамъ у тебя?

Экзекуторъ осмѣлился продвинуть всю свою фигуру, но близко не подходилъ, а остановился въ почтительномъ разстояніи.

Хотя старичекъ и велъ разговоръ въ добродушномъ тонѣ, но не попросилъ сѣсть и ничего не предпринялъ къ ободренію экзекутора.

—Что это у тебя, братецъ, Захаръ Анемподистовичъ, тамъ, просители что-ли?

Захаръ Анемподистовичъ не имѣлъ никакого понятія о чемъ идетъ рѣчь; но по давно усвоенной привычкѣ молчалъ, зная, что изъ дальнѣйшаго все будетъ ясно.

—Разузнай, въ чемъ дѣло, и кто такое; ты ужъ понимаешь: если что важное—приди сказать, я одѣнусь и разберу, но только смотри, чтобы не по пустякамъ! Ну, иди!—добавилъ старичекъ,—постарайся, чтобы не очень-то шатались!

Экзекуторъ, не вымолвивъ ни одного слова, вышелъ и, уже медленно пройдя дворъ, вошелъ въ швейцарскую. Теперь только онъ замѣтилъ женщину, стоявшую у дверей.

Принявъ важную позу, экзекуторъ спросилъ:

—Вы къ директору?

—Да,—отвѣчала женщина.

—Ну, такъ пожалуйте сюда,—сказалъ экзекуторъ, и показалъ на дверь около лѣстницы, двинувшись впередъ самъ.

Вслѣдъ за нимъ вошла и просительница, освободила нѣсколько платокъ у горла и распахнула салопъ, такъ какъ успѣла очень согрѣться за время ожиданія.

Экзекуторъ, войдя въ небольшую комнату, развалился въ кожаномъ креслѣ, заложивъ ногу за ногу, и спросилъ:

—Въ чемъ ваше дѣло?

Женщина осмотрѣла все кругомъ. Столъ, обитый клеенкою; большая чернильница, изъ которой торчало гусиное перо; песочница съ продырявленнымъ мѣднымъ верхомъ; цилиндрическая голубая съ бѣлымъ коробка, изъ которой высовывалось нѣсколько гусиныхъ перьевъ; сальная свѣчка въ низкомъ подсвѣчникѣ, щипцы для снимания нагара, перочинный ножичекъ, толстый красный сургучъ: куча бумагъ съ черными печатями, связка ключей, счеты, ножницы, непонятная карта, портреты героевъ 12-го года, шкафы съ бумагами—все это подавляло: къ тому же въ глубинѣ комнаты было большое, сводчатое окно; свѣтъ, который лился изъ этого окна, освѣщалъ экзекутора сзади и дѣлалъ принятую важную позу еще важнѣе. Она молчала.

—Я васъ спрашиваю: что вамъ нужно, и кто вы?—сказалъ экзекуторъ.

—Иванова, я, батюшка, — сказала женщина и вынула изъ муфты бумагу.

Экзекуторъ взялъ бумагу и просмотрѣлъ: тамъ значилось: „Вѣдомость объ успѣхахъ Иванова 5-го.

ученика VII класса“.

—Ну, что же тутъ?—невозмутимо заявилъ экзекуторъ: Иванова 5-го знаю. . . шалопай!

—Мнѣ-то какъ быть,—сказала женщина.—Здѣсь написано: плохо, неудовлетворительно. . .

—Написано, какъ есть,—перебилъ экзекуторъ. —Вѣдь,этакій болванъ: ужъ и на колѣняхъ его выдерживали, и на хлѣбъ и воду сажали, и пороли-то его,—ничего не беретъ.

—Охъ! А сначала онъ хорошо учился,—вздохнула просительница.

—Да! сначала! Развѣ не знаете, что онъ былъ зачинщикомъ, когда гимназисты надзирателю въ носъ гусара съ табакомъ и перцомъ засадили? А! не знаете? Послѣ этого да ему еще хорошіе баллы ставить!

—Знаю я это, и по головкѣ не гладила; ужъ выговаривала ему и всячески наказывала; видно Богъ разума лишилъ. Сдѣлайте милость, поучите его! Столько-то лѣтъ, за даромъ, да неужели-же не закончитъ?

—Коли такъ дѣло пойдетъ — нѣтъ! — Рѣшилъ экзекуторъ.

Женщина вытащила платокъ и приложила къ глазамъ.

—Явите божескую милость, — захныкала она; —вѣдь все же дитя родное, а мы ужъ все сдѣлаемъ, что въ силахъ.

При этихъ словахъ рука ея вновь опустилась въ муфту, извлекла оттуда ассигнацію, и потянулась къ экзекутору. Онъ хладнокровно взялъ, сунулъ въ боковой карманъ и сказалъ:

—Чего вы убиваетесь? и хуже бывали, да въ

люди выходили. Страшенъ чертъ, да милостивъ Богъ! Посмотримъ, можетъ быть, и толкъ будетъ.

—Ужъ вы не оставьте; Бога молить за васъ будемъ; все же, вѣдь, мать; дитя, вѣдь, родное!

Наверху раздался шумъ. Экзекуторъ вскочилъ.

—Будьте покойны,—скороговоркой сказалъ онъ и протянулъ руку.

Женщина неловко дотронулась своею рукою до руки экзекутора и, пятясь, вышла, прошла швейцарскую, едва могла отворить дверь, и только ужъ на улицѣ облегченно вздохула и какъ могла быстро пошла домой.

Ивановъ 5-ый окончилъ гимназію; много лѣтъ былъ экономомъ въ одномъ учебномъ заведеніи и дожилъ свой вѣкъ пенсіонеромъ и крупнымъ домовладѣльцемъ, окруженнымъ подобающимъ уваженіемъ.

II.

Въ 1876 году, зимою, въ одиннадцатомъ часу утра къ большому барскому дому, нѣкогда принадлежавшему графамъ Пронскимъ, подходила дама въ суконномъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ и гладкими рукавами, въ черной шляпкѣ въ видѣ получепчика, ленты отъ которой были

завязаны у горла черным бантомъ; на рукахъ у нея были вязанныя перчатки, а въ рукахъ мѣховая муфта среднихъ размѣровъ.

Когда дама поднялась къ дверямъ дома, то двери передъ нею широко открылъ молодой парень, одѣтый въ длинный форменный сюртукъ.

Глазамъ дамы представилась огромная передняя, сплошь уставленная вѣшалками, на которыхъ правильными рядами висѣли форменныя пальто, а на полкахъ наверху вѣшалокъ лежали кепи.

Подъ окномъ около дверей стоялъ столъ, обитый клеенкой; на столѣ около чернильницы лежало нѣсколько оснащенныхъ вставочекъ и длинная записная книга въ переплетѣ. За столомъ сидѣлъ въ форменномъ платьѣ довольно полный швейцаръ, который вѣжливо всталъ при входѣ дамы.

Дама обратилась къ нему съ вопросомъ:

—Могу я видѣть директора?

—Никакъ невозможно,—отвѣтилъ швейцаръ. — Они заняты. Дама обезпокоилась, поискала въ карманѣ и протянула швейцару нѣсколько серебряныхъ монетъ.

—Никитинъ, доложи, — сказалъ невозмутимо швейцаръ сторожу, открывавшему дверь.

—Кому доложить-то, Григорій Прохоровичъ?— спросилъ сторожъ.

—Не знаешь, что ли—инспектору, Любиму Ивановичу. Скажи, дескать, барыня хотятъ директора видѣть.

—Слушаю-съ,—сказалъ сторожъ и побѣжалъ наверхъ. Дама пошла къ лѣстницѣ.

—Потрудитесь подождать,—довольно вѣжливо замѣтилъ швейцаръ.

Дама остановилась противъ отворенной двери, находившейся сбоку лѣстницы. За дверью была видна вся комната, заканчивающаяся большимъ глубокимъ сводчатымъ окномъ, на которомъ стояли цвѣты—фукціи и ерани; подъ сводомъ висѣли клѣтки съ канарейками. На правой сторонѣ комнаты на столѣ лежали книги, судя по внѣшнему виду, „божественнаго содержанія“, и красовался самоваръ съ причудливо раскрашенными чашками; въ углу висѣлъ цѣлый рядъ образовъ различныхъ величинъ; передъ ними теплилась лампада, съ подвѣшанными на цвѣтныхъ ленточкахъ фарфоровыми и сахарными яйцами съ изображеніемъ Христова Воскресенія. На лѣвой сторонѣ стояла желѣзная кровать, аккуратно прибранная, со множествомъ подушекъ, и покрытая стеганымъ одѣяломъ, сшитымъ изъ неисчислимаго количества лоскутковъ. За кроватью, въ головахъ, возвышался стеклянный шкафъ съ различными чайниками, чашками, масленками въ видѣ небывалыхъ птицъ, коробками, выпиленными рамками и проч.

Въ эту комнату направился швейцаръ, сѣлъ за столъ и занялся чаепитіемъ, не обращая болѣе никакого вниманія на даму.

Тѣмъ временемъ сторожъ уже летѣлъ по корридору, заглядывая въ стеклянныя двери, за которыми шли занятія: чинно сидѣли рядами блѣдные мальчики въ мундирчикахъ, и грозно и важно расхаживали по классу педагоги, облеченные въ форменные фраки. Въ одномъ изъ нихъ сторожъ узналъ инспектора, на цыпочкахъ вошелъ въ классъ и шепотомъ что-то сказалъ ему.

Въ классѣ началось радостное движеніе.

—Смирно!—крикнулъ инспекторъ: Я на минуту уйду, что-бы тишина была, слышите! Спишите по десять разъ то, что написано на доскѣ; у кого не будетъ списано, такъ и знайте, за всю четверть двойка!

Онъ вышелъ. Классъ хотя и принялся за работу, но все-же зажужжалъ, какъ пчелиный рой.

Инспекторъ черезъ корридоръ и пріемную прошелъ въ огромный актовый залъ. На правой стѣнѣ этого зала были помѣщены двѣ мраморныя доски съ золотыми фамиліями первенцовъ гимназіи; одна доска была уже записана до низа; на другой красовались только двѣ фамиліи. Противъ входа, по стѣнѣ со множествомъ наполовину матовыхъ оконъ, вытянулись въ рядъ кресла въ формѣ полудивановъ съ малиновыми бархатными сидѣніями, деревянными бѣлыми съ золотомъ спинками и ручками; по сторонамъ входной двери висѣли писанные масляными красками портреты особъ въ мундирахъ и фракахъ, съ лентами различныхъ цвѣтовъ, изображавшіе министровъ народнаго просвѣщенія и попечителей. При взглядѣ на нихъ, невольно бросалось въ глаза одно общее выраженіе лицъ—грозное, сухое и бездушное; къ сожалѣнію только для очень немногихъ это должно было быть отнесено къ фантазіи художниковъ. Въ самой глубинѣ зала стоялъ длинный столъ, покрытый краснымъ съ золотою бахромою сукномъ; на столѣ аккуратно были разложены какія-то книги.

Боже мой! сколько горя и слезъ хладнокровно раздавали изъ-за этого стола.

На стѣнѣ за столомъ былъ помѣщенъ портретъ Императора Александра II-го во весь ростъ, въ

коронѣ, порфирѣ со скипетромъ и державою.

Противъ узкой стороны стола въ стѣнѣ, на которой висѣли портреты, была низкая дубовая дверь. Къ этой-то двери и подошелъ инспекторъ, остановился, поправилъ на себѣ фракъ, зачѣмъ то, похлопалъ по фалдочкамъ и осторожно пріотворилъ дверь.

За дверью былъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и заваленный грудою бумагъ.

За столомъ въ креслѣ сидѣлъ „самъ"—длинный, сухой, съ прилизанными волосами, въ форменномъ фракѣ, въ золотыхъ очкахъ; украшенъ „самъ" былъ коричневымъ большимъ крестомъ, висѣвшимъ изъ подъ галстука на красной съ чернымъ лентѣ.

„Самъ" съ недовольнымъ видомъ оставилъ свою работу. Онъ уже давно занимался выводомъ „несомнѣнности поднятія нравственности учащихся, на основаніи точныхъ статистическихъ свѣдѣній о наказаніяхъ". Справедливость требуетъ сказать, что онъ никакъ не могъ еще сгруппировать эти свѣдѣнія такъ, чтобы получился желаемый результатъ; кое-что еще клеилось за старый періодъ розогъ, но за современный ничего не выходило: только подберетъ рядъ погодныхъ штрафныхъ журналовъ съ явно уменьшающимся числомъ записанныхъ преступниковъ, какъ попадется журналъ, съ котораго начинается обратное явленіе. Считая директоровъ и педагоговъ непогрѣшимыми онъ и не думалъ для выясненія вопросовъ останавливаться на ихъ дѣятельности.

За этой-то тяжкой работой и засталъ его инспекторъ.

—Опять мѣшаете. Любимъ Ивановичъ!—недо-

вольнымъ голосомъ произнесъ директоръ.

—Что подѣлаешь, ваше превосходительство,— отвѣчалъ инспекторъ, пожавъ плечами.—Васъ желаетъ видѣть какая-то дама,

—Такъ что-же изъ этого? потрудитесь переговорить съ нею; если очень что-либо важное, то доложите мнѣ въ четвергъ, вѣдь это-же день вашего доклада,—съ горечью сказалъ директоръ. —Если же неважное, то разъясните, скажите тамъ что-нибудь. Нельзя-же такъ! Посудите сами, что-же мы сдѣлаемъ для гимназіи, если будемъ всѣхъ принимать? Вѣдь, ихъ около шестисотъ человѣкъ?!

—Слушаю-съ, ваше превосходительство, — и инспекторъ хотѣлъ уже уйти.

—Постойте, Любимъ Ивановичъ!—уже гораздо ласковѣе сказалъ директоръ.—Пожалуйста пришлите мнѣ изъ архива всѣ штрафные журналы за 1857 годъ.

—Немедленно распоряжусь,—отвѣтилъ инспекторъ и вышелъ.

Пройдя въ пріемную, онъ увидѣлъ въ коридорѣ сторожа и крикнулъ ему: „Петръ, скажи Федору Никитичу, чтобы штрафные за 57 годъ къ директору несъ, да пошли ко мнѣ кого-нибудь изъ сторожей!"

Заложивъ руки за спину, инспекторъ началъ ходить по пріемной; минутъ черезъ пять въ пріемную прибѣжалъ на цыпочкахъ другой сторожъ.

—Ступай въ швейцарскую, позови сюда даму: тамъ ждетъ; живо!—приказалъ инспекторъ.—Слушаю-съ—отвѣтилъ сторожъ и, выйдя на лѣстницу, не потрудившись даже спустится внизъ, крикнулъ:

—Васъ просятъ къ инспектору!

Дама, услышавъ это, вздрогнула и двинулась къ лѣстницѣ.

—Надо снять галоши,—сказалъ изъ своей комнаты швейцаръ.

Дама стала снимать галоши, что отъ волненія выходило у нея не такъ быстро, какъ хотѣлось. Наконецъ она освободилась отъ нихъ и скоро скоро пошла по лѣстницѣ. Передъ входомъ въ пріемную перекрестилась, отворила дверь и вошла въ большую комнату. Налѣво отъ входа были два огромныхъ окна съ узорчатыми матовыми стеклами; между окнами находилось вдѣланнымъ въ стѣну громадное зеркало, въ бѣлой съ золотомъ рамкѣ, опиравшееся на мраморный подзеркальный столъ. Ясно, что это зеркало было не отдѣлимо отъ дома, почему, и составило неподходящую принадлежность гимназіи. Если бы оно могло показать вновь всѣ произведенныя имъ отраженія за время своего существованія, то можно было бы увидѣть блестящихъ представителей Екатерининской эпохи на фонѣ баловъ и маскарадовъ, а затѣмъ постепенный переходъ отъ мрачнаго казарменнаго типа училища къ современному, однако не менѣе мрачному дворцу просвѣщенія.

Прямо передъ вошедшей была стѣна, украшенная тремя портретами во весь ростъ, написанными масляными красками: Императрицы Екатерины II-й, Императоровъ Александра I-го и Николая I-го. Стѣна эта, не доходя до угла, прерывалась и отъ нея начинался коридоръ во внутрь зданія; по другую сторону коридора въ стѣнѣ противоположной окнамъ была стеклянная дверь, ведущая въ классъ, а далѣе, идя ко входу въ актовый залъ, стояли

высокія старинные часы съ боемъ, наводящимъ уныніе; на стѣнѣ около входной двери висѣлъ единственный поясной портретъ Императора Павла.

Кромѣ подзеркальнаго столика, мебель въ этой комнатѣ не могла бы удовлетворить самымъ минимальнымъ требованіямъ: какъ подъ окнами, такъ и у стѣнъ съ портретами стояли деревянные диваны, всѣ одинаковаго фасона, одинаковаго размѣра и одинаковой окраски подъ дубъ. Между портретами и съ потолка въ трехъ мѣстахъ спускались газовые проводы кончавшіеся рожками, по два отъ каждаго провода.

Вошедшая дама ничего не замѣтила, кромѣ медленно идущаго ей навстрѣчу инспектора, маленькаго, толстенькаго человѣчка съ заложенными за спину руками и усиленно наморщеннымъ лбомъ.

Въ это время раздался звонокъ—дверь класса отворилась, и оттуда стремительно скользнулъ фракъ, а за нимъ съ шумомъ полились мундирчики. Инспекторъ быстро перевернулся на каблукахъ и крикнулъ: „тихо!“ Мундирчики поднялись на цыпочки.

—Маршъ внизъ, въ залъ!—скомандовалъ инспекторъ и мундирчики исчезли.

Тѣмъ-же поворотомъ на каблукахъ инспекторъ занялъ прежнее мѣсто и снова двинулся къ дамѣ.

Дама уже издали кланялась. Подойдя почти вплотную, инспекторъ неожиданно протянулъ руку, такъ что дама растерялась; стала стаскивать перчатку съ правой руки и, едва справившись со всѣми затрудненіями, протянула свою руку въ тотъ моментъ, когда инспекторъ уже собирался спрятать свою опять за спину; поэтому пожатіе вышло весьма неловкое.

—Чѣмъ могу служить?—спросилъ инспекторъ.

Вопросъ этотъ совершенно не соотвѣтствовалъ грозному выраженію его лица.

Дама вынула изъ муфты листокъ.

Инспекторъ взялъ его и пробѣжалъ глазами, ничуть не измѣняя выраженія лица. На листкѣ стояло: „свѣдѣніе объ успѣхахъ ученика VII класса Ивана Иванова“. Въ графахъ подъ заголовками „вниманіе“ и „прилежаніе“ за двѣ четверти стояли двойки, а въ графѣ „поведеніе“ за тѣ-же четверти по четверкѣ съ минусомъ. Остальное инспекторъ не посмотрѣлъ.

—Ну и что-же?—спросилъ онъ.

—Я хотѣла сказать,—скоро заговорила дама,—что мнѣ матери очень тяжело видѣть такія отмѣтки.

—Вамъ это слѣдовало-бы сказать сыну.

—Но отчего-же это? у него до нынѣшняго года, напримѣръ, изъ поведенія всегда было пять, и онъ ни въ одномъ классѣ не оставался. Дома онъ и теперь занимается, почи не спитъ. Какъ же это вдругъ?

—Вамъ кажется „вдругъ“! Позвольте ужъ намъ знать, чего достоинъ вашъ сынъ? !

—Помилуйте, вѣдь онъ въ седьмомъ классѣ: можетъ не кончить.

—И не кончитъ,—хладнокровно отрѣзалъ инспекторъ.

—Я хотѣла обратить ваше вниманіе, что онъ отъ книгъ не отрывается, да и способностями Богъ его не обидѣлъ; вѣдь въ этой-же гимназіи.

—Что въ гимназіи?—перебилъ инспекторъ.—Что въ гимназіи? Извольте посмотрѣть; у насъ вся библіотека въ кабинетѣ директора! Изъ гимназіи

онъ ничего дурного не могъ вынести. Я вамъ говорю; „не могъ“! А вотъ что онъ изъ дома, или тамъ ужъ я не знаю откуда выноситъ? !

—Да ничего-же, ваше превосходительство! (Инспекторъ только что былъ произведенъ въ статскіе, но не поправилъ).

—Вы говорите: „ничего“! Вы на насъ жалуетесь, а сами не знаете каковъ онъ—этотъ Иванъ Ивановъ!—съ желчью сказалъ инспекторъ.

—Что-же онъ сдѣлалъ?

—Какъ что? ! Вы помните, имъ было задано сочиненіе о пользѣ и вредѣ желѣзныхъ дорогъ. Что онъ написалъ? ! Я васъ спрашиваю: что онъ написалъ?

—Я не знаю.

—Не знаете, а мы виноваты! — у инспектора скользнула кисло-насмѣшливая улыбка.—Онъ написалъ-съ, что пользы отъ желѣзныхъ дорогъ нѣтъ никакой, и ждать пользы нельзя никакой до тѣхъ поръ, пока желѣзныя дороги будутъ обслуживать богачей; онѣ, видите-ли, должны возить бѣдняковъ даромъ и ихъ имущество, такъ какъ если глубоко заглянуть (какъ вамъ нравится „глу-бо-ко“), то онѣ въ сущности выстроены и трудомъ и деньгами бѣдняковъ! Откуда все это? ! Смѣю увѣрить васъ, что у насъ нѣтъ ни одной книги, гдѣ онъ могъ-бы все это вычитать! Смѣю увѣрить васъ, сударыня, что имъ объяснили въ чемъ приблизительно долженъ заключаться отвѣтъ на эту тэму. Вы думаете, что тамъ было что-либо такое! Ни-ког-да-съ; . . и онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ въ воздухѣ.—Судите сами: какое-же онъ проявилъ вниманіе? ! И какое-же приле-

жаніе, если ученикъ не знаетъ, что дѣлается въ классѣ, и пишетъ цѣлую тетрадь всякой билиберды! Знаете, когда мысли этакъ витаютъ, — инспекторъ поболталъ пальцемъ надъ головою,-то тутъ ужъ не до ученія. На поведеніе мы тоже смотримъ шире: тихій! тихій! А вы забыли пословицу: „въ тихомъ омутѣ“. . .

—Неужели-же онъ изъ за этого можетъ не кончить-—горестно спросила дама.

—Я говорю вамъ, не кончитъ! Какъ ушей своихъ не видать ему аттестата зрѣлости!—и инспекторъ еще сильнѣе наморщилъ лобъ.

—Что-же намъ дѣлать! — Голосъ ея совсѣмъ упалъ.

—Я вамъ вотъ что посовѣтую,—произнесъ послѣ короткаго молчанія инспекторъ: возьмите-ка вы вашего сына изъ нашей гимназіи,—голосъ инспектора сдѣлался нѣжнѣе,—переведите куда нибудь въ провинцію, тамъ онъ, можетъ быть, и кончитъ.

—Боже мой! да для этого надо всю жизнь ломать; мы такъ здѣсь связаны.

—Больше я вамъ ничего не могу посовѣтовать,—инспекторъ сдѣлался мрачнымъ и медленно протянулъ:—здѣсь онъ не кончитъ. . .

—Ваше превосходительсто, мы готовы на. . .—и дама зарылась въ муфтѣ, ища на помощь платокъ и думая слезами тронуть педагога.

Инспекторъ вообразилъ другое и почти закричалъ:

—Не трудитесь, не надо, не надо! Здѣсь это не можетъ помочь!

Дама не поняла въ чемъ дѣло и въ недоумѣніи, растеряно, установилась на инспектора.

—Я все сказалъ; простите, некогда; угодно по-

слѣдовать совѣту, слѣдуйте; еще не поздно. Нѣтъ! какъ хотите, но на насъ не можетъ пасть отвѣтственность.

Инспекторъ, довольный собою, элегантно расшаркался и, даже съ улыбкою, протянулъ руку.

Дама дотронулась до его руки и печально повернулась къ двери.

Вдругъ у инспектора мелькнула мысль; онъ улыбнулся и вслѣдъ просительницѣ скоро проговорилъ:

—Постойте, погодите! Вотъ развѣ, что сдѣлаемъ! Дама разомъ обернулась.

—Ваше превосходительство,—начала она.

—Знаете у насъ здѣсь есть замѣчательный педагогъ; это скала какая-то по своимъ убѣжденіямъ. Пригласите его заняться съ вашимъ сыномъ; онъ, кажется, преподаетъ у нихъ греческій: Иванъ Борисовичъ Славчекъ.

Дама вспомнила, что по греческому у ея Ваши въ обѣихъ четвертяхъ было по двойкѣ.

—Я почти ручаюсь, что онъ сумѣетъ, какъ слѣдуетъ, поставить вашего сына.

—Благодарю васъ, ваше превосходительство, мы попросимъ господина Славчека.

—Попросите, попросите! Ну до свиданія, желаю вашему сыну исправиться.

На этотъ разъ инспекторъ уже совсѣмъ ласково пожалъ руку дамѣ.

Она быстро вышла, не замѣтила, какъ сошла съ лѣстницы и чуть было не забыла галоши; но изъ комнаты швейцара послышался голосъ: „галошки-то, галошки-то!“. Дама надѣвъ галоши, чуть ли не бросилась къ выходу. Сторожъ ловко отворилъ

передъ нею дверь. На улицѣ она облегченно вздохнула.

Иванъ Борисовичъ Славчекъ (собственно говоря, его звали Янъ Болеславъ Славчекъ) за хорошую плату былъ приглашенъ, и дѣло пошло на ладъ.

Иванъ Ивановъ окончилъ курсъ. Много лѣтъ занималъ онъ видное положеніе въ желѣзнодорожномъ мірѣ, хотя и былъ принципіальный противникъ пониженія платы за проѣзды, провозы грузовъ и увеличенія окладовъ младшимъ служащимъ. Славчекъ еще живъ въ немъ.

III.

Въ 1906 году, зимою, около часа дня къ большому барскому дому, нѣкогда принадлежавшему графамъ Пронскимъ, подходила М-мъ Иванова. Одѣта она была въ каракулевое полупальто съ такимъ-же воротникомъ, покрывавшимъ ей плечи. Рукава расширялись нѣсколько кверху; черезъ шею на изящной цѣпочкѣ висѣла маленькая затѣйливая муфточка; на головѣ была шляпка, сильно выдвигающаяся впередъ, приколотая булавками къ волосамъ, зачесаннымъ тоже напередъ, сзади подкрѣпленнымъ огромной гребенкой подъ

черепаху. Бѣлыя лайковыя перчатки изящно облегали ея руку.

Какъ только М-мъ Иванова поравнялась съ входными дверями, онѣ какъ бы сами собою отворились передъ нею, помощію шнура, проведеннаго къ сторожу, наблюдавшему изъ окна за приходящими.

Глазамъ М-мъ Ивановой представилась огромная передняя, вся сплошь уставленная вѣшалками, на которыхъ гдѣ висѣли, а гдѣ просто были перекинуты черезъ вѣшалки самыя разнообразныя пальто, отъ полущубка до щегольскаго форменнаго— кавалерійскаго покроя. На верху вѣшалокъ, а частію изъ рукавовъ пальто, виднѣлись различныя шапки, бросались въ глаза огромныя мѣховыя папахи.

М-мъ Иванову это нисколько не смутило; она быстро подошла къ вѣшалкамъ и стала снимать галоши.

Изъ-за стола, расположеннаго подъ окномъ у входа, всталъ старенькій человѣкъ въ форменномъ длинномъ сюртукѣ, въ очкахъ и сказалъ подручному, тоже одѣтому въ форму: „поди, помоги“.

Подручный ловко помогъ М-мъ Ивановой снять пальто; подержалъ муфту, которую вновь подалъ.

М-мъ Иванова, закинувъ цѣпочку за шею, быстро пошла по лѣстницѣ. Мимоходомъ, изъ женскаго любопытства, она взглянула въ отворенную дверь около лѣстницы; и успѣла замѣтить въ комнатѣ со сводчатымъ окномъ большой мраморный столъ, уставленный склянками съ рецептами; надъ столомъ стеклянную полку со всякой аптекарской посудой; на окнѣ громадную бутыль

съ фильтромъ и прозрачною водою; маленькій образокъ въ углу; кожаный диванъ; чистыя полотенцы и какія—то медицынскія приспособленія по сторонамъ его; на стѣнахъ красиво изгибающіяся на подобіе буквы „г" мѣдныя трубки, поддерживающія изящныя электрическія лампочки; наконецъ около стола фельдшера въ бѣломъ фартукѣ, расчесаннаго капулемъ и съ закрученными кверху усами. Фельдшеръ, увидавъ женскую фигуру, ухмыльнулся и вышелъ въ швейцарскую.

—Какова, Григорій Прохоровичъ! — сказалъ фельдшеръ, обращаясь къ швейцару.

—Смѣлы больно понеча стали, — проворчалъ швейцаръ, присѣвъ на стулъ и взявъ со стола газету.

М-мъ Иванова между тѣмъ уже отворила дверь въ пріемную и, не обращая ни на что вниманія, прямо подошла къ огромному зеркалу, между оконъ, и стала поправлять прическу и шляпку. А вниманіе было на что обратить: пріемная вся была заполнена юною молодежью, во всякихъ костюмахъ: здѣсь были смокинги при бѣлыхъ воротничкахъ и манжетахъ, и синія рабочія блюзы и форменныя тужурки, военнаго покроя и сѣрыя суконныя рубашки, застегнутыя у горла одной бѣлой металлической пуговицею; впрочемъ послѣднихъ было большинство.

Пріемная была уставлена креслами-полудиванчиками, со спинками и ручками бѣлыми съ золотомъ и съ сидѣньями подъ кожу.

По стѣнамъ со всѣхъ сторонъ почти до самаго потолка были развѣшаны въ рамкахъ рисунки гимназистовъ, и надо правду сказать, что всѣ,

здѣсь выставленные, были очень хороши.

Черезъ отворенную дверь противъ зеркала можно было видѣть внутренность класса, въ которомъ сидѣло на столахъ нѣсколько гимназистовъ, а рядомъ съ дверью стояли длинные часы съ тоскливымъ боемъ.

Покончивъ со шляпкой, М-мъ Иванова повернулась и спросила ближайшаго гимназиста:

—Гдѣ директоръ?

—Вотъ онъ,—смѣло отвѣтилъ гимназистъ, показавъ рукой на почти рядомъ стоявшаго невысокаго человѣка въ черномъ сюртукѣ, съ сѣдой бородою и сѣдыми усами; на носу у него было пэнснэ въ стальной оправѣ.

М-мъ Иванова протянула кокетливо руку.

—Здравствуйте, я къ вамъ, всего только на два слова.

—Прошу въ актовый залъ,—сказалъ директоръ. Пройдя всю пріемную, самъ отворилъ дверь и пропустилъ впередъ М-мъ Иванову.

Въ актовомъ залѣ на стѣнѣ справа отъ входа висѣли двѣ мраморныя доски, сплошь записанныя золотыми фамиліями первенцевъ гимназіи.

Посрединѣ зала стоялъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ и окруженный вѣнскими креслами; на немъ были разложены листы бумаги и карандаши противъ каждаго кресла; съ потолка спускалось нѣсколько солидныхъ бронзовыхъ люстръ съ электрическими лампочками въ видѣ тюльпановъ.

По стѣнѣ противъ оконъ были развѣшаны портреты Русскихъ Императоровъ, написанные масляными красками, начиная отъ Александра 1-г

и кончая Александромъ III-мъ. Противъ стѣны съ мраморными досками былъ помѣщенъ такой-же портретъ Императора Николая II-го, задрапированный малиновымъ бархатомъ. Вдоль стѣнъ стояли желтые вѣнскіе стулья.

Войдя въ актовый залъ, директоръ немедленно подставилъ М-мъ Ивановой стулъ, другой взялъ себѣ, но не сѣлъ, а оперся на спинку.

М-мъ Иванова начала:

—Я къ вамъ, потрудитесь посмотрѣть,—и она вынула изъ муфты бумажку, свернутую много разъ.

Директоръ молча развернулъ ее и пробѣжалъ глазами; на бумажкѣ значилось: „отчетъ объ успѣхахъ ученика VII класса Ивана Иванова". Ничего особеннаго въ листкѣ этомъ не было, только почти во всѣхъ клѣточкахъ виднѣлись „тройки", да въ графѣ—„число пропущенныхъ уроковъ" стояло 63.

Директоръ молчалъ.

—A propos,—начала М-мъ Иванова: я хотѣла сказать, что слѣдовало-бы писать и отчество, а то что это „Иванъ Ивановъ"; молодыхъ людей надо пріучать именоваться, какъ то всегда въ жизни бываетъ: „Иванъ Ивановичъ Ивановъ".

—Приму къ свѣдѣнію,—вставилъ директоръ съ едва замѣтной улыбкою.

—Но это такъ, между прочимъ, продолжала М-мъ Иванова,—я собственно встревожена нѣкоторымъ пониженіемъ успѣшности моего сына.

Директоръ молчалъ.

—Не могла же повліять на отмѣтки эта исторія съ панихидою. Необходимо признать за молодымъ

человѣкомъ право открыто выражать свои убѣжденія. Что—же изъ того, что онъ съ другими захотѣлъ помолиться за убіенныхъ борцовъ за свободу?

—Однако,—сказалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ директоръ,—какъ это сопоставить съ тѣмъ, что тотъ же— вашъ сынъ съ другими подписалъ требованіе, поданное мнѣ, объ отмѣнѣ молитвъ передъ и послѣ уроковъ и объ окончательномъ изъятія изъ числа преподоваемыхъ предметовъ— Закона Божія?

—Вѣдь это все молодость, — протянула М-мъ Иванова.—Вспомните вѣдь и мы съ вами были молоды.

Директоръ вопросительно взглянулъ на М-мъ Иванову и промолчалъ.

Раздался звонокъ; за дверью поднялся страшный шумъ, директоръ невольно сдѣлалъ движеніе къ двери; но шумъ быстро прекратился. М-мъ Иванова, не обращая ни малѣйшаго вниманія на шумъ, продолжала:

—Я убѣждена, что къ моему сыну не вполнѣ справедливы; я, конечно, не о всѣхъ говорю. Вотъ учитель физики; между нами, онъ (я это знаю навѣрное) монархистъ, и знаетъ, что мой сынъ конституціонно-демократическихъ убѣжденій, поэтому не хочетъ ставить ему заслуженной большой отмѣтки. Политика, конечно, должна быть въ школѣ, безъ нея обойтись нельзя; она вездѣ; но „политика“ въ личныхъ отношеніяхъ, согласитесь, это недопустимо!

Директоръ молчалъ.

—Наконецъ, что это за безсмысленная балльная

система! Вы не можете себѣ представить, какъ она портитъ кровь, треплетъ нервную систему и у дѣтей, и у матерей, и у отцовъ. Въ родительскихъ собраніяхъ мы подняли этотъ вопросъ. Вы помните! Мы настаиваемъ на требованіи отмѣны этого устарѣлаго способа репрессій.

Директоръ молчалъ.

—Слышите, не правда-ли, мы потребуемъ!?

—Еще нѣтъ соотвѣтствующаго циркуляра,—слабо попробовалъ обороняться директоръ.

—Впрочемъ, все это мы представимъ на обсужденіе общаго собранія родителей, а я къ вамъ съ личнымъ дѣломъ: что сынъ мой кончитъ курсъ, безъ задержекъ?

—Осталось еще почти полтора года; какъ будетъ заниматься.

—Однако, простите меня, общее развитіе и способности вы должны были уже выяснить, не забудьте: онъ седьмой годъ въ гимназіи.

—Все это вѣрно, сударыня, но бывали случаи, что вдругъ останавливалось развитіе, даже безъ вины ученика; бывали и такіе случаи, когда въ самое важное время молодыя люди окончательно переставали учиться.

—Но тутъ-то, вѣдь, нѣтъ ничего такого?

—Ничего вамъ не могу сообщить теперь: все это опредѣлитъ и рѣшитъ педагогическій совѣтъ.

—Простите, я не могу повѣрить. Все это я знаю хорошо: автономный педагогическій совѣтъ, участіе въ немъ родителей; даже, если хотите, ученическихъ старостъ, и это очень важно; а все-же вы сдѣлаете такъ, какъ захотите!

Директоръ хотѣлъ что-то сказать, но М-мъ Ива-

нова ускоренно вновь заговорила:

—И не говорите, не говорите! Въ васъ еще силенъ старый бюрократизмъ: въ душѣ вы мной согласны—все что вы захотите, то и будетъ.

—Смѣю васъ увѣрить. . . попытался вставить директоръ.

—Ну хорошо, хорошо! А ваше-то личное мнѣніе объ окончаніи моего сына?

—Положительно ничего не могу сказать; я переговорю съ преподавателями.

—Въ тонѣ вашемъ я слышу много утѣшительнаго,—сказала М-мъ Иванова, хотя въ тонѣ директора слышна была только усталость. — Я не хочу заставлять васъ нарушать нѣкоторую тайну, хотя вообще тайнъ у педагоговъ отъ родителей не должно быть.

Директоръ сдѣлалъ движеніе; М-мъ Иванова встала.

—Простите, я васъ задержала.

—Наша обязанность,—сказалъ директоръ.

Вдругъ М-мъ Иванова совершенно неожиданно вынула изъ затѣйливой муфточки сторублевую бумажку и протянула ее директору.

—Я хотѣла вотъ это предложить вамъ, сказала она,—на ваше усмотрѣніе.

Директоръ едва замѣтно насмѣшливо улыбнулся.

—У меня нѣтъ такого счета, и я не могу взять денегъ на свое усмотрѣніе,—подчеркнулъ онъ.

—Ахъ! Вы не подумайте чего-нибудь; я, конечно, понимаю—продолжала М-мъ Иванова той-же скороговоркою:—деньги эти на какую-либо организацію, вы знаете; намъ женщинамъ очень трудно въ нихъ

разобраться. Вы это гораздо лучше знаете!

—Въ гимназіи у насъ совершенно нѣтъ никакихъ такихъ кассъ и никакихъ организацій!

М-мъ Иванова почему-то принужденно разсмѣялась.

—О святой бюрократизмъ!—жеманно воскликнула она.

—Положительно, нѣтъ, — холодно повторилъ директоръ.

—Позвольте, но у васъ при гимназіи есть общество вспомоществованія гимназистамъ, или что-то въ этомъ родѣ!

—Есть.

—Ну, вотъ! — обрадовалась М-мъ Иванова;—въ это общество на ваше усмотрѣніе, — подчеркнула она.

—Потрудитесь немного подождать, я вамъ принесу квитанцію отъ казначея.

—Все равно, послѣ какъ нибудь; вы все не можете отдѣлаться отъ педантизма,—смѣясь, проговорила М-мъ Иванова и вновь протянула бумажку директору. Онъ взялъ, пошелъ къ двери, отворилъ ее и пропустилъ впередъ М-мъ Иванову.

—До свиданія,—сказала М-мъ Иванова, протягивая затянутую въ перчатку руку: на родительскихъ собраніяхъ увидимся,—добавила она, кивнувъ головою, и скоро пошла по пріемной, заглянувъ мимоходомъ въ зеркало.

Директоръ постоялъ немного, держа за кончикъ развернутую кредитку, и медленно пошелъ къ казначею.

М-мъ Иванова быстро сбѣжала по лѣстницѣ: подручный подалъ ей полупальто и галоши: она

сунула ему рубль въ руку и пошла. Дверь передъ нею опять сама собою отворилась, и она вышла на улицу.

Облегченно вздохнувъ, она подумала: „Ну, да! отъ него ничего не зависитъ! Какъ же! все, что захочетъ сдѣлаетъ! Теперь ужъ, какъ тамъ не вертись, а деньги взялъ, такъ постѣснишься: а для моего болвана это очень будетъ кстати; попробуй-ка заставить его заниматься!“

Между тѣмъ фельдшеръ, выйдя изъ своей комнаты, подмигнулъ старому швейцару.

—А что, Григорій Прохоровичъ, недурна!

—Вамъ-бы все зубы скалить,—сказалъ старикъ, —я вотъ, почесть, что родился здѣсь, да вотъ ужъ восьмой десятокъ сижу, а сраму такого никогда не видѣлъ.

—Ха, ха, ха!—разсмѣялся фельдшеръ: въ ваше время все лучше было, знаемъ мы это!

—Всего было! Видалъ я, какъ учениковъ, учителей, директоровъ выгоняли; можетъ и ошибки бывали, да выгоняли-то тѣ, кто постарше да поумнѣе; а теперь, срамъ одинъ: молокососы, вѣдь, выгоняютъ безъ разбора всѣхъ: вотъ въ это воскресенье родителямъ своимъ свистали!

—А вы, Григорій Прохоровичъ, хотите опять розогъ, да карцеровъ съ хлѣбомъ и водою; дудки! теперь не позволимъ!—гордо заключилъ фельдшеръ.

—Хочу я,—сказалъ, помолчавъ старикъ,—не дожить до того, когда Бога выгонять станутъ, а, повѣрь слову, къ тому идетъ!

Иванъ Ивановичъ Ивановъ получилъ аттестатъ зрѣлости; но значитъ-ли это, что онъ окончилъ курсъ?. . . Говорятъ—да! Подождемъ и посмотримъ, такой-ли отвѣтъ дастъ его дальнѣйшая судьба.

В. Плетнеръ.

Черть и Старикъ.

Разъ чертенку стало скучно
Дни въ геенѣ коротать,
Быть при грѣшныхъ неотлучно,
Въ пекло угліе бросать.
Что за радость, въ самомъ дѣлѣ?
Нынче то же что вчера!
Жаръ, проклятья. . . надоѣли
Крики съ утра до утра- . .
И добро бъ еще попался
Грѣшникъ важный, поумнѣй—
Кто отщепенцемъ считался,
Совратителемъ людей;
Кто отца убилъ родного,
Да и мать не пожалѣлъ;
Ничего не зналъ святого,
Лишь грѣшилъ, да пилъ, дѣлъ—
Такъ, вѣдь, нѣтъ! Такихъ старшіе
Прибрали къ своимъ рукамъ:
Не подпустятъ, черти злые,
Къ этимъ лакомымъ кускамъ!
На, молъ, вотъ тебѣ, чертенокъ!
Мучь, какъ хочешь—какъ тутъ быть?
Все отбросы! Вишь, мальченокъ—
Безъ штановъ ему ходить,

Онъ же день деньской карманы
У прохожихъ очищалъ;
Вотъ чиновникъ безталанный—
Казнокрадствомъ промышлялъ;
Генералъ сѣдой, сердитый—
Знай, ругался цѣлый день;
Репортеришка избитый—
升Вралъ безъ мѣры. . . Дребедень!
Что съ нихъ взять? Какія муки
По грѣшишкамъ ихъ задать?
Малость самую, отъ скуки.
Развѣ только потрепать. . .
Нѣтъ! куда намъ, чертенятамъ
Въ пеклѣ жизнь не хороша! ·
Въ этомъ тартарѣ проклятомъ
Измельчаетъ вмигъ душа!
И на волѣ чертъ рѣшился
Поразмяться, отдохнуть;
Отпускъ взялъ и прифрантился—
И пустился бодро въ путь.
Долго онъ бродилъ по свѣту,
Въ странахъ разныхъ побывалъ,—
Бралъ по-мѣсячно карету,
На телѣгѣ разъѣзжалъ,
Жилъ въ дворцахъ и въ избахъ курныхъ,
Былъ въ театрахъ, рудникахъ,
Средь веселыхъ, умныхъ, хмурныхъ,
Утромъ, днемъ и при звѣздахъ.
Все ему казалось мало:
Настоящаго-то нѣтъ!
Все на свѣтѣ измельчало:

Тьма не мрачна, блѣденъ свѣтъ...
Разсердился чертъ жестоко:
„Чтобы ангеловъ толпа
„Вознесла васъ всѣхъ высоко!
„Экъ, вѣдь, право, голытьба!
„Я бъ, пожалуй, могъ устроить,
„Чтобъ изъ васъ всѣхъ вышелъ прокъ—
„Да чего мнѣ будетъ стоить?
„Да и отпуску ужъ срокъ.
„И опять однообразно
„Въ пеклѣ дни за днемъ пойдутъ,
„И въ работѣ несуразной
„Годы лучшіе уйдутъ...
„Кабы насъ благодарили
„И за выслугою лѣтъ
„Въ высшій чинъ производили!
„Но въ аду движенья нѣтъ:
„Страшно онъ консервативенъ—
„Не возможенъ въ немъ прогрессъ!
„Безъ наградъ же трудъ противенъ..
„Я усталъ и весь облезъ...
„Въ кои вѣки я собрался
„Показаться, посмотрѣть—
„А на что я тутъ нарвался?
„Лучше было бъ не глядѣть!“
И тогда пошелъ онъ, злобный,
Срока ранѣе домой...
Неудаченъ опытъ пробный!
Недоволенъ чертъ собой...
Какъ то разъ въ тѣни березы
При дорогѣ онъ прилегъ

Отдохнуть. Ахъ, были бъ слезы,
Онъ заплакать съ горя бъ могъ!..
И сидѣлъ онъ такъ, скучая.
Вдругъ бредетъ едва—едва
Странникъ: голова сѣдая
И по поясъ борода;
Лобъ въ морщинахъ, взглядъ открытый;
Палка длинная въ рукахъ,
Волоса скуфьей покрыты,
И подрясникъ на плечахъ;
Станъ веревкой подпоясанъ
И котомка за спиной...
Видъ его убогъ, но ясенъ;
Твердъ и кротокъ онъ душой:
„Инь, святой-то! чертъ подумалъ:
„Дай-ка съ нимъ я позаймусь.
„Вотъ ужъ не гадалъ, не думалъ!
„Напослѣдокъ развлекусь:
„Здравствуй, старче! Ты откуда
„И куда теперь идешь?
„Отдохнуть, небось, не худо:
„Кости старыя несешь!“
—Это правда, тотъ отвѣтилъ:
Неча Господа гнѣвить—
Пожилъ я и не примѣтилъ,
Какъ пора и въ гробъ сходить.
„Какъ же старче? Интересно.“
—А усерднѣе молись
Ты Владычицѣ Небесной
И на Бога положись,
Вотъ и будешь...—„Стой! тревожно

Чертъ испуганный вскричалъ:
„Все молиться, развѣ можно?
„Ты о чертѣ-то слыхалъ?
—Провались онъ окаянный!
Мысли черныя гони,
И молитвой покаянной
Ты замаливай грѣхи—
И придутъ тебѣ въ подмогу
Сонмы Ангеловъ святыхъ;
Обращайся мыслью къ Богу
Отъ дѣловъ своихъ земныхъ,
И Онъ бѣсу не позволитъ
Овладѣть твоей душой:
Самъ Онъ, Батюшка изволитъ
Охранять души покой—
Только вѣруй и молися
И не думай о земномъ.
Такъ-то, другъ! Перекрестися
На колѣнкахъ, въ землю лбомъ...
„Это послѣ... я успѣю...
„Неужели же теперь
„Такъ ты чистъ душой твоею?"
—Что ты? Я толкую: вѣрь!
Какъ же можно! Не безгрѣшенъ:
Чай я тоже человѣкъ.
Только я теперь утѣшенъ:
Я уже свой прожилъ вѣкъ!
Вотъ иду—и не устанно
Все молитвы я твержу...
И моею жизнью странной
Я доволенъ... не тужу...

Все отъ Бога; весь я въ Богѣ;
Нѣту мнѣ утѣхъ земныхъ...
Человѣкъ всегда въ дорогѣ
Въ лоно праотцевъ святыхъ;—
Безъ молитвы путь такъ труденъ,
А молясь итти—легко!
Бѣсъ не страшенъ, а поскуденъ—
Отъ меня онъ далеко,
Потому что я съ молитвой
На яву не разстаюсь:
Онъ ко мнѣ, а я какъ бритвой!
Помолюсь и—отвяжусь!..
„Помолись же, честный старче,
„Поусерднѣй!“ молвилъ бѣсъ·
И, блеснувъ глазами ярче,
Всталъ и за-лѣсомъ исчезъ.
Старецъ молвилъ: „что за чудо!
„И куда онъ побѣжалъ?
„Помолюсь-ка я покуда...“
И молитвы зашепталъ.
На колѣна ставъ, креститься
Сталъ двумя перстами онъ;
Полный рвенья потрудиться
За поклономъ клалъ поклонъ...
Но не къ Богу возносилась
Мысль тогда его впервой!
Чѣмъ душа его смутилась?
Что нарушило покой?
„Не взыщи меня грѣхами,
„Отче нашъ, на небеси...
„Ишь ты, какъ сверкнулъ глазами!

„Матерь Божія, спаси...
„Духъ мой слабъ, Премудрый Боже!
„Плотской скверной удрученъ...
„Помолись усерднѣй!.. Тоже!
„Больно малый-то чуденъ...
„Слава, слава въ Вышнихъ Богу!
„На землѣ миръ... я, ей-ей,
„Не къ добру пошелъ въ дорогу...
„Дома было бы ладнѣй!
„Какъ молитвы испугался!
„Вишь: „успѣю“ говоритъ...
„И откуда только взялся?
„Я о Богѣ—онъ дрожитъ...“
И опять старикъ, въ надеждѣ,
Восклицаетъ: Богъ мой, Богъ!
Но молиться такъ, какъ прежде,
Онъ въ тотъ день уже не могъ...

Марусинъ.

Черносотенный погромъ.

I.

Если есть на свѣтѣ счастливые люди, то это Петя и Сережа. Впрочемъ по лѣтамъ ихъ давно уже пора называть Петромъ Федоровичемъ и Сергѣемъ Васильевичемъ, или господиномъ Выгодновымъ и господиномъ Крючьинымъ; но по поведенію имъ правильнѣе именоваться Петею и Сережею. Почему-же они счастливы? Причинъ много: во-первыхъ молоды, во-вторыхъ обладаютъ достоинствомъ, довольно-таки исключительнымъ,—происхожденіемъ отъ весьма богатыхъ родителей, и въ-третьихъ имѣютъ полную свободу наличности. Люди такъ ужъ устроены, что въ какомъ бы блестящемъ положеніи они ни находились, все-же имъ кажется, что на ихъ долю выпали не всѣ блага, которыя имъ причитаются. Этому закону вполнѣ подчинялись и Петя съ Сережею.

Сидѣли они въ одномъ изъ очень дорогихъ ресторановъ и, обсуждая свое положеніе, находили его не очень завиднымъ. Располагали они вполнѣ и собою, и своими средствами, которыя отпускались имъ въ неограниченномъ размѣрѣ, и своимъ временемъ; но ихъ стѣсняла молчаливая опека.

—Все-же не удобно,—говорилъ Петя,—что-же, что уѣхали старики со всѣмъ гнѣздомъ на дачу. Знаешь, какъ-то не ловко: пріѣдетъ отецъ съ дачи, заѣдетъ, по пути въ контору, домой, а ты дрых-

пень. . .

—Это еще что,—добавилъ Сережа, — третьяго дня отецъ уже изъ конторы на дачу ѣхалъ, да дернуло его домой заглянуть; а я, помнишь, безъ заднихъ ногъ. Говорятъ, что только улыбнулся.

—Такъ-то оно такъ, все-же не ладно. А затѣмъ всѣ эти Михайловны, Сидоровны и проч. , такъ и зудятъ около мамы и тетокъ; а тѣ, при встрѣчѣ съ нами, только головами покачиваютъ.—Сказалъ Петя.

—Намъ надо рубить Гордьевъ узелъ,—отвѣтилъ Сережа,—какъ ты, такъ и я получили, такъ сказать, офиціальное разрѣшеніе перебѣситься до воинской повинности, какъ бы въ награду за окончаніе университета. Что-же бѣситься, такъ ужъ бѣситься! Оставимъ временно родительскій кровъ.

—Идетъ! Это не дурно.

—Прямо отсюда пойдемъ нанимать подгороднуюдачу, недалеко отъ. . .

—Идетъ! Превосходно!—заключилъ Петя.

Пріятели расчитались, вышли, сѣли на лихача, постояннаго ихъ спутника, и онъ, не спрашивая куда, повезъ ихъ въ должномъ направленіи.

Петя и Сережа были знакомы съ самаго ранняго дѣтства. Ихъ отцы много лѣтъ вели совмѣстно большое коммерческое дѣло и жили какъ бы одной семьей, поэтому Петя съ Сережею учились вмѣстѣ въ одной гимназіи, а за тѣмъ и въ университетѣ на юридическомъ факультетѣ. По собственному ихъ выраженію, учились они только „родителямъ на утѣшеніе;“ но сами они ни къ чему не проявляли ровно никакого интереса и, даже самая послѣднее время, когда политика за-

влекла всѣхъ почти поголовно, Петя и Сережа оставались совершенно холодны къ ней. Можетъ быть такое равнодушіе было вызвано примѣромъ отцовъ, людей практическихъ, не поддававшихся никакимъ увлеченіямъ, и видѣвшихъ всю цѣль жизни въ капиталѣ. Если считать полнѣйшее равнодушіе и къ наукѣ, и къ политикѣ за отрицательныя качества, то къ нимъ приходится присоединить и неравнодушіе нашихъ героевъ, которое проявлялось только къ кутежамъ; но и здѣсь дѣло не доходило до сколь-либо серьезныхъ размѣровъ. Друзья постоянно старались, какъ можно меньше огорчать родителей, впрочемъ достигали этого по большой части скрываніемъ и ложью.

Лихачъ довезъ нашихъ друзей до загороднаго ресторана „Pot de fleurs“ и остановился. Петя и Сережа слѣзли, приказали ждать лихачу у ресторана; а сами отправились искать дачу въ пригородной мѣстности, начинавшейся непосредственно за ресторапомъ.

Сначала поиски были безуспѣшны: дачъ сдавалось много, но всѣ были столь большого размѣра, что пріятели проходили мимо, находя, что такое количество пустого пространства, при наличности ихъ собственной пустоты, никакъ не заполнишь.

Они прошли до перваго переулка, дальше идти не входило въ ихъ планъ, поворотили по переулку направо, дошли до слѣдующей улицы; здѣсь Сережа указалъ Петѣ на противоположную сторону. Въ глубинѣ сада на углу улицы и переулка виднѣлись бѣлые билетики на окнахъ во второмъ этажѣ дачи.

—Зайдемъ посмотримъ,—сказалъ Сережа.

—Идеть!—Отвѣтилъ Петя.

Пріятели, перейдя улицу, стали осматривать дачу извнѣ: она стояла довольно далеко отъ ограды, окруженная садомъ; на калиткѣ, которая выходила на улицу была прибита дощечка съ надписью „докторъ“. Пріятели зашли съ переулка; здѣсь были ворота и калитка, очевидно, главный входъ или въѣздъ въ дачу: прямо противъ воротъ, въ глубинѣ двора была сторожка дворника. Петя замѣтилъ, что сторожка соединялась съ воротами длинной проволокою, которая на внѣшей сторонѣ воротъ заканчивалась желѣзнымъ стержнемъ съ огромнымъ кольцомъ.

—Судя по этому приспособленію, тамъ у дворника долженъ быть вѣчевой колоколъ. Авось, хоть имъ вызовемъ кого-либо. — При этихъ словахъ Петя дернулъ за кольцо, послышался тоненькій звонъ.—Ха! ха! ха! Вотъ такъ вѣчевой колоколъ.

Однако и этотъ звонъ подѣйствовалъ: дверь сторожки отворилась, и къ воротамъ направилась заспанная, всклокоченная фигура.

—Вамъ чего?—пробасила фигура, отворяя калитку.

—Здѣсь на дачѣ билетики, отдается что-ли? — спросилъ Сережа.

—Это насъ не касательно. Отъ жильца,—опять пробасила фигура и повернулась уже обратно.

Въ это время отворилась парадная дверь дачи, и оттуда затараторила женщина:

—Ты, Егоръ, вотъ всегда такъ господъ отваживаешь. Много что-ли дѣла у тебя: всего за одной дачей присматриваешь, не за одну-же воду платить тебѣ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. . .

—Постойте, матушка,—перебилъ Сережа, — скажите намъ: сдается здѣсь дача или нѣтъ?

—Ахти, дура-то, я дура, съ этимъ аспидомъ считаться стала! Пожалуйте, пожалуйте!

Пріятели вошли за женщиной въ переднюю. Передъ ними слѣва шла лѣстница наверхъ, а справа былъ широкій проходъ въ нижнее помѣщеніе.

—Сюда, сюда!—говорила женщина, взбираясь на лѣстницу.

Пріятели поднялись за нею. Они отворили дверь налѣво и передъ ними оказалась маленькая кухня.

—Этого намъ не нужно,—замѣтилъ Петя. Женщина отворила дверь прямо и опять проговорила.

—Сюда, сюда! Пріятели вошли.

При подробномъ осмотрѣ выяснилось, что сдавались всего три комнаты: средняя, довольно большая, съ дверью на балконъ, выходившій на улицу: по бокамъ двери были два узкихъ окна: вся мебель этой комнаты состояла изъ двухъ деревянныхъ, выкрашенныхъ подъ мраморъ колоннъ, стоявшихъ у оконъ; двѣ другія комнаты были совершенно одинаковы: въ одно окно на улицу. съ дверями въ среднюю комнату и выходными. въ одной комнатѣ въ кухню, а въ другой на площадку; мебель была только въ послѣдней въ видѣ одного турецкаго дивана.

—Что-же, милая,—спросилъ Сережа:—это и все, что полагается при дачѣ?

—Вы скажите, что нужно, все раздобудемъ, — отвѣтила женщина.

Пріятели сѣли на диванъ.

—Ха, ха, ха! А, въ самомъ дѣлѣ, что-же нам нужно?—спросилъ Петя.

Женщина смотрѣла на молодыхъ людей съ нѣ которымъ недоумѣніемъ. „Не озарники-ли как нибудь?“ приходило ей въ голову; но такое опр дѣленіе въ ея головѣ никакъ не совмѣщалось с внѣшнимъ видомъ господъ.

—Вотъ что, милая, — сказалъ Сережа,—стул чиковъ сюда бы, да столъ какой-нибудь; затѣм на окна повѣсить что нибудь нужно. Я думаı Петя, такъ сдѣлать: комнату съ балкономъ под спальню; темныя шторы доставимъ, эту компаı подъ пріемную; а дальнюю комнату подъ гард робъ и умывальню.

—Идетъ! Не дурно,—замѣтилъ Петя,—а я так не о томъ думаю. Ха, ха, ха! а вы вѣдь очеı недавно, были премиленькая,—сказалъ Петя, обр щаясь къ женщинѣ.

—Хи, хи, хи!—фыркнула въ руку женщина, - ишь что придумають, къ старухѣ-то!

—Брось!—перебилъ Сережа,—надо дѣло кончат У кого-же нанимать?

—Пожалуйте къ барину.

Женщина повела ихъ внизъ, гдѣ они замѣтиı довольно богатую и чистую обстановку.

Одновременно съ ними въ гостинную вошел изъ внутренняго помѣщенія господинъ, лѣтъ с рока пяти, серьезный на видъ, хорошо одѣтый, отрекомендовался: „докторъ Ростовъ.“

—Выгодновъ, Крючинъ,—сказали пріятели.

—Пожалуйста садитесь,—попросилъ Ростовъ, с дясь.

Пріятели тоже сѣли. Женщина скрылась

дверью; но тутъ-же и остановилась, даже, затворяя дверь, оставила щелку, чтобы не только все слышать, но и видѣть.

—Мы къ вамъ насчетъ найма дачи, — началъ Сережа.

Съ перваго взгляда друзья не понравились Ростову. „Чертъ ихъ знаетъ, что они тамъ, надъ головою, затѣятъ,“ подумалъ онъ и рѣшилъ отдѣлаться отъ нанимателей, предложивъ несуразно-высокую цѣну. Онъ сказалъ:

—Хорошо, только я отдаю довольно дорого, вслѣдствіе удобства сообщенія съ городомъ. Менѣе двухъ-сотъ пятидесяти рублей въ лѣто я не возьму, да и то половину въ видѣ задатка, а другую въ первый-же мѣсяцъ.

Ростовъ поднялся съ кресла, давая знать, что разговоръ конченъ; однако мѣра, придуманная имъ, въ данномъ случаѣ никуда не годилась.

—Что-же, намъ даже удобнѣе будетъ заплатить все впередъ,—сказалъ Сережа.

Петя въ это время вынулъ цѣлую пачку денегъ изъ кармана брюкъ и, отобравъ двѣ сторублевки и двѣ четвертныхъ, протянулъ ихъ Ростову.

Ростовъ былъ пораженъ быстрымъ заключеніемъ сдѣлки, и ему ничего не оставалось, какъ принять деньги; впрочемъ, при этомъ и мысли его направились въ болѣе благопріятную сторону для друзей.

—Я сейчасъ дамъ вамъ расписку, — сказалъ Ростовъ, взявъ деньги, и пошелъ въ другую комнату.

Только онъ вышелъ, какъ немедленно появилась въ комнатѣ женщина.

—Какъ васъ зовутъ?—спросилъ Петя, обращаясь къ ней.

—Натальей.

—Позвольте называть васъ Наташей, — не унимался Петя.

—Au lieux de faire la coure, donne lui un pourboir,—сказалъ Сережа.

—Ахъ, да, Наташа, вотъ, пожалуйста, возьмите за будущую службу,—при этихъ словахъ, Петя подалъ ей маленькій золотой.

—Много благодарны, баринъ,—сказала Наталья, быстро исчезая, такъ какъ Ростовъ уже входилъ.

Онъ подалъ расписку Петѣ, а Петя передалъ Сережѣ; затѣмъ пріятели встали и, простившись, пошли. Уже вслѣдъ имъ Ростовъ сказалъ:

—Господа, пожалуйста, не забудьте ваши виды, т. е., паспорта. Теперь пошли строгости.

—Конечно, конечно!—отвѣтили пріятели, торопясь уйти.

Довольные своимъ рѣшеніемъ, они ускореннымъ маршемъ двинулись къ своему любимому пристанищу—къ „Pot de fleurs."

Дорогой они даже не говорили, только, поворачивая на улицу городского типа, Петя замѣтилъ

—Ха, ха, ха! Смотри, вѣдь эта дача, гдѣ квартируетъ Маруська, вотъ и балконъ изъ ея гостиной. Не зайти-ли?

—Оставь,—сказалъ Сережа,—теперь не стоитъ; а то ты разболтаешь, гдѣ поселяемся. Скрываться такъ ужъ скрываться отъ всѣхъ.

—И то вѣрно! Идемъ допивать порцію.

Пройдя еще немного, они скрылись въ гостепріимномъ подъѣздѣ ресторана.

II.

Докторъ Ростовъ тоже принадлежалъ къ баловнямъ судьбы, впрочемъ, не безъ заслугъ съ своей стороны. Живя въ бѣдной семьѣ, онъ весьма прилежно учился и всегда былъ изъ лучшихъ среди товарищей. Уже кончая университетъ, онъ сошелся съ весьма поверхностнымъ человѣкомъ, но смѣлымъ, нахальнымъ и энергичнымъ. Ростовъ, не обладая этими качествами, боготворилъ своего товарища, и исполнялъ весьма многія работы за него, что послѣдній принималъ какъ бы за должное. Въ дальнѣйшей жизни Ростовъ занялъ второе мѣсто, а товарищъ первое. Товарищу, что называется, повезло: онъ, при весьма активномъ участіи Ростова, получилъ профессуру, сдѣлался знаменитымъ, моднымъ докторомъ и нажилъ огромныя деньги. Надо сознаться, что, зазнавшись окончательно, онъ Ростова не забылъ и постоянно доставлялъ ему паціентовъ и наблюденія за богатыми больными. Послѣднее обстоятельство создало Ростову благосостояніе и независимость и дало возможность вести довольно спокойную жизнь.

Утромъ онъ обыкновенно принималъ больныхъ, затѣмъ объѣзжалъ больныхъ, ввѣренныхъ его попеченію, потомъ обѣдалъ, ходилъ гулять, чтобы не пріучаться спать послѣ обѣда, и наконецъ заключалъ день въ клубѣ, гдѣ скромно игралъ въ карты почти всегда съ одними и тѣми-же партнерами. Лѣтомъ онъ жилъ подъ самымъ городомъ, такъ какъ товарищъ его уѣзжалъ заграницу и всѣхъ больныхъ, которымъ нельзя было далеко

отлучаться отъ города, передавалъ Ростову; такъ что лѣтнее время для Ростова было наиболѣе доходное.

Только одно происшедствіе возмутило спокойствіе Ростова.

Минувшей зимой какъ-то къ нему заѣхалъ одинъ изъ карточныхъ партнеровъ и зазвалъ на подписной обѣдъ. Пообѣдавъ и порядочно выпивъ, Ростовъ съ партнерами уже собирались засѣсть за карты, какъ одинъ изъ нихъ предложилъ попробовать красное вино, новой марки, только что выписанное; всѣ согласились. Когда успѣли нѣсколько бутылокъ, то иниціаторъ этой пробы замѣтилъ:

—Господа, мы все играемъ и играемъ; а чтобы намъ болѣе полезно провести время; сегодня какъ разъ политическое собраніе въ Содовскомъ залѣ, тамъ будутъ говорить, и Вихровъ, и Зоринъ, и Карльсонъ, ѣдемъ!

Всѣ согласились и поѣхали въ залъ Содова. Здѣсь все шло благополучно до одной рѣчи, въ которой ораторъ упомянулъ о темныхъ, подкупныхъ, власть имущихъ силахъ, затершихъ много самобытныхъ талантовъ.

Въ отуманенной головѣ Ростова мелкнуло нѣсколько случаевъ, когда двери карьеры захлопывались передъ нимъ, отворяясь передъ положительнымъ ничтожествомъ; его это такъ взволновало, что онъ попросилъ слова, взошелъ, къ неописуемому удивленію своихъ партнеровъ, на каѳедру, и сказалъ громовую рѣчь. Впослѣдствіи онъ самъ не могъ вспомнить всей рѣчи, но нѣкоторыя мѣста врѣзались въ его память. Онъ

говорилъ:

„Эта самодержавная чиновничья клика поработила насъ; но это было бы полъ-бѣды; она ухитрилась поработить наши сердца, наши умы, наши души! . . “

„Нѣтъ, такое ползучее, пресмыкающееся состояніе стало нестерпимо! Мы должны подняться! Мы наконецъ не можемъ не подняться! Однако подъемъ нашъ уже не мыслимъ—осторожнымъ, медленнымъ! Мы подымемся разомъ, какъ одинъ! Поднявшись, естественно потрясемъ основы государства и тогда . . . тогда только пробудется обреченный на спячку народъ!“. .

„Кто признаетъ хоть единаго изъ нынѣшнихъ правителей, тотъ робѣетъ! Кто за полумѣры, тотъ трусъ! Кто ждетъ и терпитъ, тотъ въ паникѣ!“. .

„Нѣтъ нужды, что отъ нашего дружнаго напора неминуемо образуется глубокая рана у нашего бѣднаго отечества. . . Не надо забывать, что чистая рана куда менѣе опасна, чѣмъ гнойная язва, бывшая на ея мѣстѣ!“. .

Свою рѣчь Ростовъ заключилъ такъ:

„Намъ предстоитъ врачевать отечество — почти трупъ! Скорѣе къ операціи! Къ операціи! . . Время не терпитъ! . . Мы спасемъ тяжко больного! Но надо помнить, что успѣхъ возможенъ только при удаленіи всѣхъ пораженныхъ мѣстъ! ! ! “

Буря аплодисментовъ проводила Ростова съ кафедры; но онъ никого не замѣчая, пробѣжалъ въ швейцарскую, быстро одѣлся, выскочилъ на улицу и только на извощикѣ опомнился.

Схватилъ себя за голову, онъ думалъ: „да вѣдь это моментальное помѣшательство! Что я тамъ

говорилъ? Это я, который давно со всѣмъ на свѣтѣ помирился! Я, который вяжу жизнь только за повизитную плату! Наконецъ я, который нахожусь въ рабствѣ у прислуги Натальи; доволенъ этимъ рабствомъ, и ни за какія блага не хотѣлъ бы избавиться отъ него.“

Пріѣхавъ домой, онъ немедленно раздѣлся и легъ; но всю ночь не могъ заснуть; эта, кажется, была его единственная безсонная ночь.

Долго послѣ этого собранія Ростову пришлось вкушать плоды его.

Черезъ день онъ узналъ изъ газетъ о томъ восторгѣ, который вызвала его рѣчь и объ единогласномъ выборѣ его въ члены центральнаго партійнаго комитета.

Звонки то и дѣло раздавались въ его квартирѣ; но онъ не велѣлъ рѣшительно никого принимать. Наталья, въ буквальномъ смыслѣ слова, грудью отстаивала спокойствіе барина.

Черезъ нѣсколько дней ему пришлось встрѣтиться съ своимъ знаменитымъ товарищемъ. Тотъ покачалъ головою и сказалъ: „Вотъ ты какой? Въ наши годы надо, другъ, умѣть скрывать свое даже отъ себя. Увы! время порывовъ для насъ прошло.“

Ростовъ ничего не отвѣчалъ; но внутренно негодовалъ на себя. Отъ людей онъ усиленно прятался, не бывалъ въ клубѣ, временно прекратилъ пріемъ паціентовъ, и самъ ѣздилъ только къ старшимъ паціентамъ.

Первое время его одолѣвали письмами и ругательными и восторженными, онъ одинаково негодовалъ на тѣ и другія, затѣмъ на него посыпа-

лись программы, брошуры, воззванія, приглашенія на всевозможныя засѣданія; но онъ все безъ разбора бросалъ въ каминъ, приговаривая: „для меня довольно одной свободной ночи!“

Но всему бываетъ конецъ; мѣсяца черезъ два его стали забывать, а онъ началъ входить въ привычную колею, даже въ клубъ рѣшился заглянуть и, къ радости своей, замѣтилъ, что старые партнеры оцѣнили событіе вѣрно и не вспоминали про него; только сожалѣли, что долго приходилось обходиться при помощи случайныхъ партнеровъ, что далеко не то, что свой человѣкъ.

Особенное облегченіе почувствовалъ Ростовъ, выѣхавъ на дачу, куда направился, едва только сошелъ снѣгъ; отчасти изъ за описаннаго казуса, а отчасти по случаю ранней и прекрасной весны.

III.

Не скоро Ростовъ и Наталья дождались своихъ жильцовъ. Только спустя недѣлю послѣ найма ими дачи, Наталья, выйдя за ворота, замѣтила фуру и посыльнаго, который съ запиской въ рукѣ кого-то разыскивалъ.

По свойственному дамамъ любопытству, Наталья подошла къ посыльному. Каково-же было ея удивленіе, когда она узнала, что посыльный именно ее-то и искалъ. Въ рукахъ у него была расписка Ростова въ полученіи денегъ за дачу; а на ней карандашемъ было написано: „спросить прислугу Наталью.“

Удивленіе ея еще больше возрасло, когда посыльный объяснилъ, что онъ привезъ вещи господъ на дачу. Никогда въ жизни, Натальи не приходилось видѣть такого переѣзда; все-же ей пришлось принять въ немъ участіе и начать пріемку вещей. Позвали дворника, и все втащили наверхъ. Ростовъ пришелъ посмотрѣть на имущество своихъ жильцовъ.

Привезенныхъ вещей было очень немного, но всѣ вещи были отмѣнныя: двѣ кровати, два вѣнскихъ кресла, двѣ тумбочки къ кроватямъ, одинъ великолѣпный умывальникъ, два большихъ дорожныхъ сундука и два нагруженныхъ портпледа, затянутыхъ въ ремни.

Когда все принесли, то посыльный сталъ мѣрить окна. На вопросъ Натальи: „зачѣмъ это?“ Онъ отвѣчалъ: „господа велѣли прислать обойщика и сдѣлать шторы, особенно темныя въ среднюю комнату.“

Какъ способъ переѣзда, такъ и составъ вещей расположили Ростова къ жильцамъ; главное, видно было, что жильцы не думаютъ дѣлать сборищъ, и что ихъ забота была сосредоточена только на ночлегѣ.

На другой день пріѣхалъ обойщикъ и прекрасно устроилъ шторы; въ средней комнатѣ на балконную дверь и два боковыхъ окна такія, что при спускѣ ихъ становилась абсолютная темнота, при какомъ угодно свѣтѣ извнѣ.

Наталья, почуявъ большой доходъ, приложила всѣ свои силы, чтобы устроить въ комнатахъ все какъ можно лучше, перетащила кое-что изъ низа: платяной шкафъ и вѣнскіе стулья; даже изъ го-

рода пришлось привести ковры и столъ въ первую комнату.

Ростовъ не мѣшалъ услужливости Натальи, такъ какъ ему было нѣсколько неловко, что онъ взялъ съ молодыхъ людей огромную цѣну.

После того, какъ все было готово, прошло еще три дня до въѣзда жильцовъ.

Какъ переѣздъ, такъ и въѣздъ былъ не совсѣмъ обыкновенный. Въ девятомъ часу утра къ дачѣ подкатилъ лихачъ, который какимъ-то образомъ всегда зналъ куда требуется сѣдокамъ; Петя и Сережа ничего ему не говорили. Друзья слѣзли и поплелись къ подъѣзду. Лихачъ укатилъ, онъ велъ расчетъ съ своими сѣдоками только въ крупныхъ цифрахъ, и самъ избѣгалъ немедленной уплаты.

Наталья отворила дверь и сразу замѣтила, удрученное настроеніе друзей; она, какъ и въ первый разъ, возгласами: „сюда, сюда!„ довела ихъ до первой комнаты. Оба плюхнулись на диванъ и, къ огорченію Натальи, не обратили не малѣйшаго вниманія на уютность обстановки.

Первый прервалъ молчаніе Петя.

—Охъ, охъ, была игра!

Сережа остался равнодушенъ къ этому возгласу и обратился къ Натальѣ:

—Нельзя-ли намъ, милая, достать содовой, бутылки четыре, да стаканчиковъ.

Съ этими словами онъ вытащилъ изъ маленькаго кармана пальто золотой и подалъ Натальѣ.

—Сейчасъ, сейчасъ! — заторопилась Наталья и ушла.

Пріятели какъ были въ пальто, такъ и разтя-

нулись на диванѣ, шляпы и тросточки бросивъ на полъ.

Когда Наталья вернулась, то застала ихъ уже спящими, осторожно попробовала побудить; но это ни къ чему не привело. Она ушла и стала ждать ихъ пробужденія, занимаясь своими дѣлами. Въ концѣ седьмого часа она услышала какое-то мычанье на верху, быстро очутилась при входѣ въ комнату, гдѣ заснули пріятели, и пріотворила дверь, при этомъ увидѣла, что на диванѣ . полусидѣлъ всклокоченный Петя; а за столомъ безъ пиджака сидѣлъ не менѣе всклокоченный Сережа и откупоривалъ содовую воду.

Наталья рѣшилась наполовину проникнуть въ комнату и спросила: „не нужно-ли чего?“

—Какъ не нужно, очень даже нужно,—сказалъ Сережа.

Петя по прежнему сидѣлъ, выпуча глаза, и икалъ.

—Да, дай-же мнѣ хлебнуть воды-то!—сказалъ онъ, обращаясь къ Сережѣ.

Сережа передалъ ему стаканъ воды и вновь заговорилъ съ Натальей:

—Принесите намъ самоваръ, да все что къ нему полагается: чай, сахаръ, булки, сыръ; нельзя-ли еще колбасы или чего-либо солененькаго, да бутылки четыре пива, да . . . пожалуй, водки бутылку.

Почему водка и пиво полагались къ самовару, такъ и осталось неяснымъ для Натальи.

При послѣднихъ словахъ, Сережа полѣзъ въ карманы брюкъ.

—Баринъ, у меня есть еще ваши деньги,—за-

мѣтила Наталья.

—Ладно,—сказалъ Сережа,—а вы съ нами не стѣсняйтесь, требуйте! Мигомъ уплатимъ.

Наталья удалилась. Петя едва сползъ съ дивана, снялъ пальто и пиджакъ, налилъ другой стаканъ содовой и жадно выпилъ.

—Ухъ,—сказалъ онъ,—тяжеловато!

—Давай сегодня сидѣть дома, — какъ-бы въ отвѣтъ на мысль Пети, сказалъ Сережа, —надо все привести въ порядокъ и посмотрѣть хорошо-ли тутъ?

—Идетъ!—отвѣтилъ Петя.

Пріятели сняли сапоги и обошли комнаты, потрогали сундуки, портпледы; но не рѣшились ничего распаковывать; вернулись въ первую комнату и опять растянулись на диванѣ, молча закуривъ папиросы.

Скоро пришла Наталья, очень чисто накрыла на столъ, поставила на него самоваръ, тарелки, закуски и „все, что полагается,“ затѣмъ собралась уходить.

—Постойте, дорогая, вы намъ нужны,—сказалъ Сережа,—вотъ видите-ли въ чемъ дѣло: мы сами не очень-то ловко всѣмъ распоряжаемся, не возьмете-ли вы на себя? . . Вотъ ключи,—при этомъ Сережа вынулъ изъ кармана нѣсколько ключей, болтавшихся на цѣпочкѣ, пристегнутой къ пуговицѣ брюкъ, отстегнулъ и подалъ ихъ Натальѣ. Петя молча продѣлалъ тоже, у него точно также были приспособлены ключи.

—Этими ключами отпираются наши сундуки,— сказалъ Сережа.—Тамъ гдѣ-то, а можетъ быть и въ портпледахъ наши туфли: это первое, а потомъ,

вы сами увидите все; платье повѣсьте куда—нибудь въ дальней комнатѣ.

—Тамъ шкафъ,—сказала Наталья.

—Отлично,—продолжалъ Сережа,—затѣмъ постельное бѣлье, еще бѣлье, еще. . . вы и сами лучше насъ распорядитесь.

—Да, ужъ не безпокойтесь, все сдѣлаю,—отвѣчала Наталья и пошла въ другія комнаты.

Черезъ минуту пріятели были уже въ туфляхъ и засѣли за столъ. Рѣшено было для поправки состоянія духа выпить по рюмкѣ водки. Закуска оказалась отличная, такъ что выпили и по другой и по третьей. Настроеніе дѣйствительно значительно улучшилось; перешли на пиво и послѣ второго стакана пришли совершенно въ норму. Петя началъ хохотать и припоминать анекдоты.

Вышли посмотрѣть, что дѣлаетъ Наталья. Все было уже устроено какъ слѣдуетъ. Пріятели попросили ее принести воду въ умывальникъ; да сказали, чтобы она всегда выкладывала бы имъ чистое бѣлье, а грязное приводила бы въ чистый видъ по своему усмотрѣнію, а также чтобы всегда были вычищены сапоги. Сдѣлавъ эти распоряженія, друзья вынесли стулья на балконъ и сѣли.

—Какой чудный вечеръ,—сказалъ Сережа.—Чортъ знаетъ, какъ мы съ тобою проводимъ время, теперь гулять бы гдѣ-нибудь, или кататься на лодкѣ.

—Идетъ!—отвѣтилъ Петя.

—Что идетъ?. Сегодня рѣшено дома. . .

—И то идетъ! Давай сидѣть, я хочу записывать анекдоты,— прибавилъ Петя.

—Какъ это:„ какой чудакъ русскій, онъ гофоритъ: „Ненастя das ist ein Unwetter, aber Настя ist ein

schönes Mädchen.“ —Ха, ха, ха!

—Оставь,—перебилъ Сережа,—посмотримъ, который часъ?

Оба вынули часы.

—Чортъ возьми! мои стоятъ,—сказалъ Сережа.

—Ха, ха, ха! да и мои не идутъ. Попробуемъ узнать время безъ часовъ,—прибавилъ Петя.

—И въ самомъ дѣлѣ, пойдемъ-ка прогуляемся, кстати и часы разузнаемъ.

—Идетъ!—согласился Петя.

Друзья оставили балконъ, вошли въ комнаты и, видя все уже приготовленнымъ, быстро умылись, переодѣлись и вышли.

Какъ это случилось неизвѣстно, но точно пріятели узнали время въ ресторанѣ „Pot de fleurs.“

На новоселыи жизнь пріятелей потекла чрезвычайно регулярно и однообразно: они аккуратно являлись въ девятомъ часу утра; ложились спать, только не на диванѣ, а, какъ слѣдуетъ,на кровати; вставали въ седьмомъ часу вечера, рѣдко въ восьмомъ; приводились въ порядокъ и въ десятомъ покидали дачу.

Ростовъ тоже велъ регулярную жизнь, даже не бывалъ въ клубѣ; но его регулярность была діаметрально противоположная; такъ что онъ по легкому шуму наверху узнавалъ, что пора вставать, а когда вечеромъ хлопала калитка, то уже зналъ, что надо готовиться ко сну. Словомъ солнце съ луною, хотя рѣдко, да встрѣчаются; а хозяинъ съ жильцами совсѣмъ не встрѣчались.

Въ домѣ всѣ были весьма довольны жильцами. Привычки ихъ были столь несложны и спокойны для дома, что Ростовъ былъ въ восторгѣ отъ нихъ.

Наталья, такъ и говорить нечего, доходъ у нея былъ огромный. Съ первыхъ—же дней она чуть-ли не буфетъ завела въ своей комнатѣ; у ней все было запасено: и содовая, и сельтерская, и пиво, и водка: съ одной стороны бѣгать было не далеко, и жильцы были очень довольны, что все подается въ одну минуту; а съ другой, съ какой-же стати получать доходъ лавкамъ, когда и сама Наталья умѣла его получать. Чай съ сахаромъ цѣликомъ шли на потребу Натальѣ; такъ какъ пріятели до нихъ и не дотрогивались, спрашивая только для приличія.

Дворникъ былъ тоже весьма доволенъ. Въ одинъ изъ первыхъ дней, получивъ пять рублей на прописку, забылъ сдать остатокъ; затѣмъ всегда ухитрялся и впустить и выпустить господъ въ калитку, а такъ какъ не разсчитывалъ быть замѣченнымъ каждый разъ, то и напоминалъ при всякой встрѣчѣ о своихъ чрезвычайныхъ трудахъ, за что немедленно получалъ такую халтуру, которая удовлетворяла даже дворниковскіе аппетиты.

IV.

Сережа и Петя, не унывая, жили заведеннымъ порядкомъ вплоть до 21-го іюля. День этотъ былъ замѣчателенъ, какъ канунъ 22-го числа, въ которое были именины матери Пети. Оба пріятеля должны были ѣхать на дачу къ Выгодновымъ поздравлять, почему они и рѣшили быть, какъ стеклышко, пробывъ съ этою цѣлью все двадцать-

первое дома. Наталья была послана за провіантомъ, и въ седьмомъ часу вечера пріятели сѣли за скромную трапезу; но неосторожно налегли на пиво и, пославъ Наталью восьмой разъ въ собственную ея лавочку, начали мыслить не вполнѣ по первоначальному плану.

— Слушай, Сережа, коего чорта, мы здѣсь сидѣть будемъ!—сказалъ Петя.

— Ты забылъ, что завтра намъ къ твоимъ ѣхать.

— Вотъ, пустяки-то! а мы пораньше домой. Посидимъ тамъ, послушаемъ пѣніе, закусимъ, да и домой.

— Ну смотри-же?!

—Чего смотрѣть-то, развѣ ужъ не можемъ? айда! валяй одѣваться!

Сережа протестовалъ только для вида, его и самого тянуло.

Пріятели живо одѣлись и двинулись; конечно, скоро прибыли по назначенію и были встрѣчены очень радушно; они заявили, что расчитывать на нихъ можно не далѣе 12-ти часовъ ночи. Это-то заявленіе и погубило ихъ. Ресторанные знакомые, желая чтобы за этотъ промежутокъ времени было израсходовано не менѣе, чѣмъ за длинные промежутки, стали настаивать то на томъ, то на другомъ поплѣ. Сережа и Петя „такъ и хлопали рюмка за рюмкою“. Не надо было быть мудрецомъ, чтобы угадать результатъ: къ 12-ти часамъ Петя и Сережа были такъ „намазавшись“, какъ рѣдко случалось. Все-же, чѣмъ пьянѣе становились они, тѣмъ упорнѣе настаивали на уходѣ въ 12-ть часовъ, и даже рѣшили встрѣтить этотъ часъ, какъ новый годъ: спросили замороженнаго шампанскаго.

Пошелъ пиръ горой: тосты, хохотъ, остроты, анекдоты, лобзанія, и вино, и вино, и вино.

Какъ ни старались Петя и Сережа все-же за обширностію исполненной программы, пришлось нѣсколько опоздать и выйти изъ ресторана только въ началѣ второго часа ночи.

Къ нимъ подкатилъ ихъ постоянный лихачъ. Петя и Сережа усѣлись. Рысакъ разомъ дернулъ, пріятелей качнуло назадъ, при чемъ съ Сережи слетѣла шляпа: но онъ не замѣтилъ этой утраты.

— Пошелъ!—крикнулъ онъ лихачу.

Крикъ былъ излишнимъ, такъ какъ рысакъ уже несся, что было духу.

У воротъ дачи они остановились, слѣзли съ экипажа: лихачъ по обыкновенію исчезъ. Все шло гладко; но у самыхъ воротъ встрѣтилось непреодолимое препятствіе.

Дѣло въ томъ, что Ростовъ почему-то рѣшилъ озаботиться удобствомъ жильцовъ, и въ этотъ злополучный день пригласилъ механика и провелъ во всѣ концы электрическіе звонки, при чемъ замѣнилъ безобразіе въ видѣ желѣзнаго кольца и цѣлаго допотопнаго сооруженія, оканчивающагося въ сторожкѣ дворника стальной пружиною съ колокольчикомъ. Все это было замѣнено едва замѣтнымъ шнуромъ по забору и изящнымъ звонкомъ, прикрѣпленнымъ надъ кроватью дворника. Изобрѣтательность Ростова пошла столь далеко, что онъ, избѣгая шалопайства уличныхъ мальчишекъ, рѣшилъ затаить кнопку звонка въ рѣзьбѣ калитки.

Пріятели долго искали знаменитаго кольца.

— А вѣдь, мы не туда попали,—сказалъ Сережа?

— Ну какъ не туда? Видишь... угловая, а противъ ларекъ. Что ты пьянъ что-ли?

— Кольцо-то гдѣ-же?

— Чортъ его знаетъ!

— Какъ-же намъ быть?! Слушай,—сказалъ Сережа,—ты ступай, можетъ проберешься къ сторожкѣ, постучи къ дворнику, а я пойду къ калиткѣ съ улицы, можетъ соображу, какъ Наталью позвать.

Сережа пошелъ за уголъ на улицу; а Петя пошелъ искать подступа къ сторожкѣ дворника.

Найдя калитку, Сережа легко ее отворилъ и, сообразивъ почему-то, что послѣднее окно справа то самое, которое ему нужно, постучалъ въ него.

Окно это вело въ спальню Ростова; послѣдній проснулся, подумалъ что паціентъ, всталъ, наскоро одѣлся, взялъ со стола ключи, и пошелъ самъ посмотрѣть въ чемъ дѣло.

Ростовъ отперъ калитку и, выглянувъ на половину, началъ осматриваться кругомъ. Въ это самое время Сережа подходилъ къ калиткѣ и увидалъ человѣка, робко оглядывающаго по сторонамъ: въ его разгоряченной головѣ молоньею пронеслася мысль: „здѣсь что-то неладно; теперь понимаю, что желѣзное кольцо было сорвано съ цѣлью лишить возможности произвести тревогу“. Къ несчастію Сережа былъ смѣлъ и при томъ возбужденъ. Вслѣдъ за первой мыслью не менѣе быстро мелькнула вторая: „я долженъ не медля захватить вора“.

Сережа какъ кошка, прыгнулъ впередъ, хватилъ за пиджакъ Ростова и зарычалъ: „что ты дѣлаешь тутъ каналья?!“

Ростовъ сначала попятился назадъ, но Сережа вытащилъ его на улицу и еще грознѣе крикнулъ. „Нѣтъ не уйдешь!“.

Ростовъ разглядѣлъ только растрепанную фигуру безъ шапки, ему ясно стало, что это грабитель, и что необходимо защищаться.

Думая, что у нападавшаго есть оружіе, Ростовъ крѣпко вцѣпился ему въ руки, соображая въ тоже время, какъ бы дать звонокъ.

Сережа съ своей стороны, дѣлая усиліе, чтобы вырвать руки, спьяна не удержался и рухнулъ на землю, на него упалъ Ростовъ и прижалъ его къ землѣ. Сознавая себя побѣдителемъ, въ тоже время не имѣя возможности позвонить, Ростовъ рѣшилъ повести переговоры; но на бѣду возвращался съ неудачныхъ поисковъ Петя.

Какъ ни былъ онъ пьянъ, все-же замѣтилъ, что происходитъ нѣчто особенное; быстро направился къ борющимся. По дорогѣ онъ споткнулся на кусокъ кирпича, поднялъ его и, поровнявшись съ борющимися, разглядѣлъ, что его другу грозитъ ужасная опасность. Долго не думая, Петя наскочилъ на Ростова, и разомъ картина измѣнилась.

Ростовъ былъ опрокинутъ внизъ и началъ неистово звать на помощь; а оба пріятеля, тоже кричали о поимкѣ грабителя, и тузили Ростова, что было мочи. При обоюдныхъ усиліяхъ, да еще съ кирпичемъ, пріятели скоро заставили замолкнуть противника. Онъ какъ-то вдругъ пересталъ шевелиться, и изъ разныхъ мѣстъ его головы заструилась кровь. Послѣднее обстоятельство привело въ сознаніе друзей. Оба они вскочили и, увидавъ результатъ своей работы, переглянулись испуган-

ными глазами, затѣмъ, совершенно не сговариваясь, медленно пошли прочь.

Пройдя весь кварталъ, они опять переглянулись, и Петя шепотомъ сказалъ:

— Убили.

— Скверно!—отвѣтилъ Сережа.

— Что-же будемъ дѣлать?—пробормоталъ Петя.

— Надо сначала выспаться.

— Гдѣ-же?,

— Вотъ что,—сказалъ Сережа,—вѣдь здѣсь всего въ нѣсколькихъ шагахъ живетъ Маруська, изъ русскаго хора, пойдемъ туда, она насъ хорошо знаетъ, пуститъ.

— Идетъ!—согласился Петя.

Завернувъ за уголъ, они дошли до дачи, гдѣ жила Маруся, позвонили у входа. Прислуга осторожно пріотворила дверь; но узнавъ знакомыхъ, хорошихъ плательщиковъ, затараторила.

—Пожалуйте, пожалуйте! Барышня еще не возвращалась, да ничего подождете.

Пріятели съ радостію поднялись наверхъ, вошли въ комнаты; но имъ, послѣ только что пережитаго, показалось нестерпимо душно въ комнатахъ. Они отперли дверь на балконъ и вышли. Съ балкона увидѣли, какъ быстро рысью мимо проѣхали стражники, человѣкъ восемь, въ кавказскихъ костюмахъ.

— Хорошо еще, что на насъ тогда... не наѣхали, — сказалъ Петя, взглянувъ на друга. — Ай, Боже мой! въ какомъ мы видѣ!—вскрикнулъ онъ.

Сережа тоже оглядѣлся. На нихъ живого мѣста не было: все было въ пескѣ, въ грязи; хорошо еще, что крови не было.

Пріятели вернулись въ комнаты. Позвали прислугу и сказали, чтобы она дала подушки и, если есть, одѣяла и, что они устроятся на диванѣ и креслахъ: а главное, чтобы, какъ можно лучше, вычистила бы платье.

Прислуга все имъ достала и взяла платье; ея нисколько не удивилъ видъ гостей: давно живя среди кутящихъ, она и не то еще видала.

Пріятели составили мягкую мебель, устроились и легли. Страшно утомленные они моментально уснули, но безпокойнымъ, лихорадочнымъ сномъ.

Первымъ проснулся сравнительно рано, около десяти часовъ утра, Сережа. Онъ сразу вспомнилъ все и съ ужасомъ смотрѣлъ на друга, тотъ началъ шевелиться и внезапно поднялся, и тоже вперился въ Сережу широко открытыми глазами.

— Что, Петя, плохо дѣло?

—Не хвали,—отозвался Петя.

Они вскочили и увидѣли на стульяхъ отлично вычищенное платье, а подъ стульями штиблеты, блестящіе, какъ зеркало.

— Что-же будемъ дѣлать?—спросилъ Петя.

— Удирать,—отвѣтилъ Сережа.

— Для исполненія этого плана у нихъ не было особыхъ затрудненій. Только крахмальное бѣлье никуда не годилось, да у Сережи не хватало шляпы—сущіе пустяки.

Сережа пробрался въ кухню и тутъ только вспомнилъ про хозяйку. Увидавъ прислугу, онъ спросилъ.

— Барышня дома?

— Какъ-же,—отвѣтила прислуга.

— Что-же она сказала?

— Ничего, ужъ больно смѣялись: вы съ тѣмъ бариномъ ночью-то кричали и руками размахивали.

Сережа подумалъ: „не очень смѣялась бы, если бы все знала“.

Въ кухню притащился и Петя.

— Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ онъ.

— Надо что-нибудь предпринимать. Знаешь, я думаю попросить.... Какъ васъ зовутъ милая?—обратился Сережа къ прислугѣ.

— Дунею,—отвѣтила она.

Я думаю попросить Дуню сходить за посыльнымъ; а мы здѣсь рѣшимъ, что дѣлать.

— Идетъ!—сказалъ Петя.

— Вотъ что, Дуня, сходите, пожалуйста, знаете къ „Pot de fleurs“, тутъ не далеко и приведите сюда посыльнаго; спросите Федора, а если его нѣтъ, то пошлите за нимъ кого-нибудь тамъ, знаете....

— Все понимаемъ, не разъ туда барынѣ костюмы носили, да и Федора-то самаго знаемъ—дошлый.

— Отлично, тащите его сюда,—добавилъ Сережа

Прислуга ушла.

— Намъ надо сначала придти въ надлежащій видъ, куда мы тронемся въ грязныхъ рубашкахъ; затѣмъ немедленно поѣдемъ къ твоимъ на именины.

— Хороши мы тамъ будемъ?—сказалъ Петя.

— Каковы ни на есть! а тамъ безопаснѣе всего.

— Идетъ! Хозяйка-то дрыхнетъ.

— И хорошо, что спитъ; а то при такихъ дѣлахъ не очень пріятно встрѣчаться.

Петя, замѣтивъ на окнѣ нѣсколько бутылокъ сельтерской, сказалъ:

— Послѣ убійства, воровство самое любезное дѣло: давай, другъ, чужую сельтерскую разопьемъ.

— Давай,—отвѣтилъ Сережа.

Откупорили бутылку, налили въ чайныя чашки, стаканы не попались на глаза и, молча въ удрученномъ состояніи духа, начали попивать сельтерскую.

Пришлось ждать имъ около часа. Наконецъ, явился посыльный Федоръ и явно обрадовался, увидавъ пріятелей.

— Здравія желаю господа, чѣмъ служить прикажете?

— Идемъ сюда,—сказалъ Сережа, и повелъ его въ гостиную, куда и Петя направился.

— Вотъ что надо сдѣлать, Федоръ,—рѣшительно распоряжался Сережа.—Найми ты Якова отъ братьевъ Хромовыхъ, знаешь? У него лихой рысакъ; немедленно съѣздишь, какъ можно быстрѣе, въ магазинъ Якобсона, тамъ купишь двѣ крахмальныхъ рубашки, вотъ... посмотри, какого фасона, размѣръ 39 по воротнику, понимаешь, а затѣмъ поѣзжай къ Вегу и шляпу......

— Затерять изволили? — вставилъ, улыбаясь, Федоръ

Сережа оставилъ вопросъ безъ отвѣта и продолжалъ:

— Скажи тамъ, чтобы дали мнѣ шляпу точно такую-же, какъ я недавно покупалъ; тамъ знаютъ. Нигдѣ не задерживайся и мигомъ обратно; понимаешь!

— Точно такъ-съ, все сдѣлаю.

Сережа вынулъ сторублевую бумажку и подалъ Федору.

— Постой, я дамъ,—сказалъ Петя.

— Не задерживай, потомъ разочтемся,—торопливо сказалъ Сережа.

Посыльный взялъ кредитку, еще разъ сказалъ: „сейчасъ“, а потомъ, вспомнивъ, вдругъ сообщилъ пріятелямъ:

— Вы, господа, не нашли бы меня теперь, да тутъ вотъ, кажись, на той дачѣ, гдѣ вы живете, убійство было. Какой переполохъ ночью-то былъ! Вы тутъ у барышни гостите, а тамъ ужасъ сколько народу перебывало, и я бѣгалъ. Хозяина вашей дачи убили. Я всю ночь проволандался и заночевалъ у пріятелей въ ресторанѣ, а то не найти бы, мы вѣдь сюда только на ночь приходимъ.

— Скорѣй, скорѣй поѣзжай!—почти закричалъ Сережа, блѣдный, какъ полотно.

Не лучше былъ и Петя. Будь Федоръ сыщикомъ было бы основаніе забрать молодцовъ, но Федоръ былъ далекъ отъ подозрѣній и, предвидя хорошій заработокъ, сказалъ: „мигомъ слетаю“, и ушелъ.

— Вотъ такъ штука, и хозяинъ убитъ,—печально пролепеталъ Петя.

— Хотя это и очень скверно,—отвѣчалъ Сережа,—но для насъ облегченіе: насъ негодяй, слѣдовательно, тоже могъ убить, и мы въ правѣ были защищаться, только что-же Федоръ ничего не сказалъ о томъ, кого мы ухлопали?

— Ты-же не далъ ему досказать. Не пойти-ли намъ на дачу?

— Еще что выдумалъ, дай Богъ поскорѣе удрать,—сказалъ Сережа и крикнулъ:

— Дуня!

—Чего угодно? —спросила явившаяся Дуня.

— Дай-ка намъ сельтерской.

Сельтерская была принесена на этотъ разъ со стаканами. Наступило опять тяжелое молчаніе, нарушаемое только тихими глотками и бульканьемъ наливаемаго.

Федоръ вернулся, дѣйствительно, поразительно быстро. Пріятели хотя и очень хотѣли его распросить о многомъ, но постарались скорѣе отъ него отдѣлаться. Сережа получилъ прекрасно завернутыя покупки; не считая сдачу, пихнулъ въ карманъ, далъ Федору пять рублей на чай и сказалъ:

— Теперь ступай, да скажи Якову, чтобы онъ ждалъ насъ здѣсь.

— Слушаю-съ,—сказалъ Федоръ,—премного благодаренъ,—и тотчасъ-же скрылся, довольный раннимъ и солиднымъ заработкомъ.

Друзья спѣшно принялись одѣваться. Когда были готовы и собрались удирать, Петя вспомнилъ:

— Слушай, а какъ же съ Маруськой-то, вѣдь обидится.

— Да, да,—сказалъ Сережа,—надо ей написать записку и Дуню ублаготворить.

Позвали Дуню, спросили, нѣтъ-ли у нея конверта и бумаги. Дуня безцеремонно выдвинула ящикъ изъ небольшого письменнаго стола, стоявшаго въ этой же комнатѣ, и подала требуемое. Сережа написалъ: „Дорогая Муся! жалѣемъ, что пріѣхали и уѣхали рано, будить не рѣшились. Прости, что разорили на сельтерскую. Твои П. и С.“. Сунулъ въ конвертъ двадцатипятирублевую, заклеилъ и передалъ Дунѣ.

— Это ты отдашь барышнѣ,—сказалъ онъ.

— А это тебѣ,—сказалъ Петя, давая ей малень-

кій золотой.—Наше бѣлье гдѣ нибудь спрячь у себя, заѣдемъ, возьмемъ.

Все это нисколько не удивило Дуню, такъ какъ и въ этомъ ничего не было исключительнаго для той атмосферы, въ которой она служила.

— Спасибо вамъ,—сказала она,—не извольте безпокоиться.

Сережа и Петя вышли на улицу. Яковъ шевельнулъ вожжами, и рысакъ завертѣлся у подъѣзда. Пріятели быстро вскочили въ пролетку, и велѣли ѣхать къ парикмахеру Жоресу.

Приведясь окончательно въ порядокъ у парикмахера, Сережа и Петя опять садились въ экипажъ, и только что Петя занесъ ногу, какъ Сережа остановилъ его и сказалъ:

—Comment penses—tu? Allons a nottre villa? On dit donc vrai que la plaçe du crime attire toujours l'assassin.

— Voyons! Voyons! nous serrons absolument arretés.

— Penses tu qu'il serait mieux qu'on vienne nous chercher cher ta mére! La belle fête qu'il y aura là!

— Tu as raison! Advienne que pourra, allons à la campagne!

Немедленно Якову было сказано: „домой на дачу", и Яковъ пустилъ рысака, что было духу.

Пріятели сидѣли, не произнося ни одного слова. Оба были въ такомъ удрученномъ настроеніи, въ какомъ никогда не случалось бывать. Даже Яковъ подумалъ: „что это господа не смѣются, видно здорово перехватили".

Друзьямъ представлялось, что ихъ ждетъ толпа народа, жандармы, полиція, сыщики и проч.

Когда Яковъ вывернулъ на ту улицу, гдѣ они жили, оба одновременно, какъ-бы по сигналу подались впередъ, разглядывая, что дѣлается вдали; но, къ удивленію ихъ, ничего особеннаго впереди не было: даже движенія, какъ будто, было меньше, только у самой дачи, гдѣ они жили, стоялъ городовой, да на углу другой.

Они не только подъѣхали безпрепятственно, но и вошли въ подъѣздъ и даже сѣли на стулья въ своей комнатѣ. На глаза имъ никто не попался, они только замѣтили въ передней нѣсколько пальто и между ними одно форменное, да еще у себя въ комнатѣ, на стѣнѣ у двери, кнопку звонка, подъ которой на фарфоровой доскѣ была надпись: „прислуга“. Оба подумали: „успѣли ужъ и звонки провести, даже о насъ позаботились“. Оба приняли причину за слѣдствіе.

Пріятели и дома продолжали молчать, и, неизвѣстно, долго ли продолжалось бы это, если бы къ нимъ запыхавшись не влетѣла Наталья. Оба вздрогнули и вскочили со стульевъ. Наталья-же стала въ дверяхъ, подперла правой рукой щеку, а лѣвой локоть правой руки, и начала повѣствованіе, повидимому, въ настоящую минуту не сказано довольная происшедшимъ.

— Ахти, Господи! и какъ это Богъ-то васъ избавилъ, видно по молитвамъ родителей: у насъ что тутъ было, и хорошо еще, что вы не пожаловали. Этой ночью напали на дачу: выманили барина, и какъ, это, онъ вышелъ, одинъ-то разбойникъ его на земь, а другой ножемъ по горлу: да Богъ не попустилъ, только окровянилъ; другіе-то ждали. Тутъ они, какъ баринъ рѣшился сознанія,

хотѣли на дачу итти, и другіе подходить стали, да должно быть услыхали у сосѣдей шумъ, какъ бросились въ разныя стороны. Всѣ видѣли, какъ два по улицы къ шоссе бѣгли, а два къ лѣсу, и слѣдъ простылъ. Подъѣхали стражники, баринъ это распластавшись лежитъ. Народъ со всѣхъ дачъ выскочилъ, смотрятъ, дышетъ еще: тутъ два доктора нашлись; перенесли барина на кровать: ну, отходили, говорить сталъ. Какъ ни искали мазуриковъ, какъ въ воду канули".

Тутъ Наталья перевела духъ и, покачавъ головою, закончила: „грѣхи-то какіе?!"

По мѣрѣ разсказа пріятели все расширяли и расширяли глаза, а какъ поняли въ чемъ дѣло, и что жертва ихъ жива, облегченно вздохнули, переглянулись и сѣли дослушивать разсказъ.

Когда Наталья кончила, то Сережа спросилъ:

— А гдѣ-же дворникъ былъ? а гдѣ-же вы были?

— Дворникъ?... Онъ услыхалъ крики, отворилъ сторожку, да какъ глянулъ, что за воротами кого-то бьютъ, ну ихъ подумалъ, самому еще попадетъ; ему и не вдомекъ, что барина-то! Онъ заперся въ сторожкѣ, потомъ стражники едва его вызвали.

— Я крики услыхала: „караулъ, караулъ!" Поставила это я утюги на занавѣски, да сама голову въ подушки запихнула, думаю: „будь, что будетъ", а сама молитву твержу; „да воскреснетъ Богъ!..."

— Откуда-же стражники взялись?—продолжалъ допрашивать Сережа.

— Вишь ты, на всѣхъ вѣдь дачахъ видѣли, что на улицѣ творится, да поди-ты сунься! Всѣ сквозь щели смотрѣли. Ихъ, вѣдь, разбойниковъ четверыхъ видѣли, а тамъ у лѣса можетъ ихъ невѣсть

какая сила была. Одинъ только учитель съ дачи № 12, Парфеновыхъ, знаете, онъ было сунулся— шальная голова!

„Хороши были бы мы", подумалъ Сережа, „если бы еще онъ налетѣлъ".

— Да самъ Парфеновъ говоритъ ему: „ты это что, о двухъ головахъ штоли? лучше бѣги задворками, и то пробѣжишь-ли, въ аптеку; а тамъ по телефону вызывай стражниковъ. Ну тотъ послушался, побѣжалъ и вызвалъ, да што они-то ждать што-ли-ча будутъ.

Снизу кто-то позвонилъ, и Наталья убѣжала.

— Наши дѣла еще не такъ плохи,—сказалъ Сережа.

— Не навѣстить-ли хозяина?—спросилъ Петя.

— Еще что выдумаешь, теперь лучше всего попробовать уѣхать, послѣ навѣстимъ: а то, какъ куръ во щи, попадемся: все-же надо обдумать, что и какъ говорить.

— Идетъ! ты, пожалуй, правъ.

Друзья быстро встали и такъ-же безпрепятственно вышли, какъ и вошли. Яковъ подалъ и, получивъ приказаніе: „на вокзалъ къ своимъ!" покатилъ съ прежнею стремительностію.

Счастіе удивительно сопутствовало безшабашнымъ друзьямъ. Въ то время, когда они сидѣли у себя наверху, внизу въ пріемной доктора, сидѣли слѣдователь и приставъ; оба видѣли, какъ они подъѣхали, и приставъ сказалъ:

— Вѣдь это здѣшніе жильцы, допросить бы ихъ?

Если бы слѣдователь согласился, то неминуемо оба жизнерадостныхъ молодыхъ человѣка влопались бы во всю: но слѣдователь уже составилъ

планъ и былъ занятъ имъ, а кромѣ того, крайне раздраженъ приставомъ.

— Это къ чему?—сказалъ онъ.—Я уже все знаю о нихъ: они и отцы ихъ грабители: но другого сорта, на законномъ основаніи—дерутъ съ бѣдняковъ за товары, сколько Богъ на душу положитъ. Вотъ если бы дѣло шло о какой-нибудь пѣвичкѣ, окунутой въ колодезь, или что-либо въ этомъ духѣ, я упекъ бы, какъ слѣдуетъ, этихъ молодцовъ: а тутъ установлено, что были оборванцы. Пострадавшій говоритъ, что бросились съ разныхъ сторонъ, что рожи были звѣрскія: а эти?.... сами видѣли, какіе вылощенные. Вы разыскали бы лучше мнѣ шапку, которую сбилъ пострадавшій. Онъ самъ говоритъ, что одинъ былъ безъ шапки, да и много свидѣтелей подтверждаютъ это. Какъ это шапку проморгать? Хорошо нечего сказать! Такую улику! А еще восемь стражниковъ прислали.

Приставъ былъ пожилой человѣкъ; самъ недоумѣвалъ, куда могла дѣться шапка; но рѣшилъ ничего не говорить, боясь еще больше разсердить слѣдователя, хотя и очень молодого, но ходового человѣка.

Слѣдователь увидалъ въ окно, какъ франты пронеслись на лихачѣ обратно и сказалъ:

— Пускай себя рѣзвятся и протираютъ глазки отцовскимъ деньженкамъ. Знаете что,—сказалъ онъ приставу,—вы тамъ, какъ хотите,—и онъ насмѣшливо и загадочно ухмыльнулся,—а это дѣло не безъ политики и, главное не безъ попустительства! Докторъ Ростовъ довольно извѣстный политическій дѣятель, онъ не разъ въ рѣчахъ говорилъ о необходимости упраздненія нынѣшняго прави-

вельства: ясно, что онъ кому-то мѣшалъ (послѣднее слѣдователь сказалъ многозначительно); ясно, что его нужно было хотя бы проучить. Сами посудите: доктора стукомъ въ окно вызываютъ оборванцы; ихъ минимумъ четверо: это установлено; замѣтьте, на дачу не пробуютъ пробраться; затѣмъ душатъ, но не требуютъ денегъ; ничего не отнимаютъ; чѣмъ-то острымъ бьютъ по головѣ, къ счастью скользитъ рука, и дѣлаютъ только легкую рану отъ глаза къ уху; наконецъ, когда докторъ лишается сознанія, полагая, что онъ убитъ, бросаютъ поле сраженія, при полной тишинѣ кругомъ: замѣтьте, вѣдь никто изъ дворниковъ не рѣшился проявить свое существованіе..... „смотрѣли только въ щели". И вотъ, что я ужъ совсѣмъ отказываюсь понять (опять прозвучала иронія): стражники ѣдутъ несомнѣнно навстрѣчу, по крайней мѣрѣ, половинѣ грабителей и даже не видятъ нигдѣ ихъ. Одинъ изъ грабителей оставляетъ шапку на мѣстѣ преступленія: первые пріѣзжаютъ стражники, потомъ наружная полиція, затѣмъ сыщики, наконецъ вы! (слѣдователь сдѣлалъ продолжительную паузу), и результатъ..... шапка оказывается—шапкою невидимкою! Не дурно!! Не будь я не я, если точно не нарисую милой картинки того, что здѣсь творилось.

Слѣдователь забралъ бумаги, холодно простился съ приставомъ и вышелъ.

Необыкновенно веселы были молодые люди на именинахъ матери Пети, однако, не сговариваясь, ничего не разсказывали о происшедшемъ. Къ

удивленію родителей, Петя и его другъ остались ночевать у нихъ на дачѣ.

На другой день отецъ Пети за чаемъ прочиталъ въ газетахъ о нападеніи на доктора Ростова и, хотя не зналъ, что у доктора квартировалъ его сынъ, но сказалъ пріятелямъ:

— Вы тамъ гдѣ-то подъ городомъ прячетесь отъ родительскихъ глазъ, смотрите не попасть бы и вамъ; лучше ужъ живите у себя въ домѣ, дѣлайте тамъ, что хотите. Слава Богу, не нянекъ-же за вами ставить! У себя надежнѣе.

Пріятели молчали, но порознь, еще ранѣе совѣта отца Пети, порѣшили покинуть свой пріютъ.

Съ утреннимъ поѣздомъ они поѣхали въ городъ. На станціи Сережа купилъ газету „Буря“ и углубился въ чтеніе. Петя замѣтилъ, какъ вдругъ его пріятель весь обратился во вниманіе и съ жадностію что-то читалъ. Не успѣлъ онъ спросить въ чемъ дѣло, какъ Сережа протянулъ ему газету, показавъ пальцемъ прочитанное мѣсто. Петя взялъ и прочиталъ.

„Когда-же будетъ этому конецъ?.... Вчера уважаемый докторъ Ростовъ подвергся гнусному „нападенію представителей черной сотни. Нѣтъ „нужды, что нападавшие и жестоко избившіе „доктора были оборванцы. Рука провокаторскаго „правительства ясна. На Ростова давно уже „косились: онъ въ своихъ рѣчахъ не щадилъ „насквозь прогнившую администрацію. И вотъ „на разсвѣтѣ, предательскимъ, легкимъ стукомъ „въ окно его вызываютъ на улицу; какъ док-„торъ, преданный своему дѣлу, онъ выходитъ: „тогда на него бросаются двое (двое другихъ

„караулять невдалекѣ). Расправа коротка: док-
„тора избивають до полусмерти и исчезають
„безслѣдно. Особенно мило то, что во время
„борьбы одинъ изъ бившихъ потерялъ шляпу:
„но полиція и стражники не только не подумали
„задержать безобразниковъ, которые даже про-
„шли мимо стражниковъ, но и умудрились не
„найти шляпы. Передъ читателями загадочная
„картинка:

„Гдѣ громилы?“

Гладинъ.

Челнъ.

Я слушалъ плескъ прибрежныхъ волнъ
И, вдаль задумчиво взирая,
Слѣдилъ, какъ одинокій челнъ
Скользитъ, вздымаясь и ныряя.
И думалъ я: „куда тебя
„Рука могучая направитъ
„И посѣтить тебя заставитъ
„Какіе чуждые края?
„Быть можетъ, побѣдивъ всѣ бури,
„Ты пристань тихую найдешь;
„Иль въ глубь таинственной лазури
„Свой бѣлый парусъ унесешь:
„Иль одинокій, равнодушный,
„Скользить все будешь безъ слѣдовъ
„Вдоль безразличныхъ береговъ,
„Порывамъ вѣтра лишь послушный“. .
Тобою правитъ рулевой,
И ты его покоренъ волѣ. . .
А мы? Что мы передъ судьбой?
Ея рабы—не болѣ.

Эмге.

У синихъ волнъ.

О, этотъ шопотъ синихъ волнъ!
Онъ грусть на сердце навѣваетъ. . .
У берега рыбачій челнъ
Волна широкая качаетъ;

Повсюду подъ-небомъ покой,
Дремота. . . Все покорно зною. . .
И только чаекъ жадный рой
Блеститъ на солнцѣ бѣлизною.

Любовь и счастье здѣсь живутъ:
Имъ все даровано отъ Бога;
И кажется, здѣсь не найдутъ
Пріюта злоба и тревога. . .

Но я подъ шопотъ синихъ волнъ
Брожу печальный, одинокій,
И думаю: когда бъ мой челнъ
Снесло отсюда въ край далекій,—

Гдѣ меньше свѣта и тепла;
Не розлита повсюду нѣга,
Гдѣ небо блѣдно, даль бѣла,
Гдѣ спятъ поля подъ пухомъ снѣга. . .

Эмге.

Деньги, кредитъ и банки.

Деньги, кредитъ и банки.

Объясненіе нѣкоторыхъ народно-хозяйственныхъ понятій.

Человѣческая жизнь обусловливается постояннымъ, все возобновляющимся потребленіемъ благъ. Не только наше физіологическое существованіе зависитъ отъ предоставленныхъ въ наше распоряженіе средствъ пропитанія, одежды и другихъ условій, защищающихъ насъ отъ внезапныхъ климатическихъ и атмосферическихъ перемѣнъ, но и побужденія нашего духа могутъ обнаруживать вліяніе на нашъ внѣшній міръ лишь тогда, когда онѣ облекаются въ болѣе выразительную форму. Вслѣдствіе медленнаго, но постояннаго дѣйствія природы истощаются блага, которыми мы пользуемся, поэтому является необходимость возобновлять постоянно эти дѣйствія, независимо отъ стремленія къ успѣхамъ въ удовлетвореніи нашихъ потребностей. Такимъ образомъ забота людей о потребности въ реальныхъ благахъ представляется явленіемъ постояннымъ, какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества. Эта сторона человѣческой жизни и есть хозяйственная. Такимъ образомъ понятіе „хозяйственный" охватываетъ всѣ тѣ происшествія и благоустройства, которыя направлены на постоянное обезпеченіе людей реальными благами. Потребности человѣка являются исходной точкой его хозяйственной

дѣятельности, ихъ удовлетвореніе—его цѣлью. Средства удовлетворенія потребностямъ-называются благомъ; благо пріобрѣтается главнымъ образомъ трудомъ. Веденіе хозяйства предполагается извѣстнымъ кругомъ потребностей, ради удовлетворенія которыхъ предпринимается самое веденіе хозяйства. Тѣ единичныя физическія личности, или то множество людей, которыхъ воля и потребности „компетентны“ для веденія хозяйства, обозначаются „хозяйственнымъ единствомъ“. Въ подобномъ единствѣ различается частное и общественное хозяйство. Къ общественнымъ хозяйствамъ принадлежать преимущественно большія семейныя хозяйства, народное и, главнымъ образомъ, міровое хозяйство.

Подобно тому, какъ у всякаго народа есть своя исторія, и всякое конкретное народное хозяйство имѣетъ свое историческое развитіе, обусловливающее всю культурную жизнь даннаго народа. Съ теченіемъ времени отступаютъ на задній планъ даже національныя и государственныя особенности, и въ развитіи единичныхъ народныхъ хозяйствъ ярко выступаютъ соглашенія, приведшія къ принятію типичныхъ ступеней развитія, а теперь отброшенныя всѣми хозяйствами культурныхъ народовъ.

Въ исторической послѣдовательности таково положеніе естественнаго хозяйства, въ эпоху котораго непосредственное обезпеченіе членовъ какого-нибудь хозяйственнаго общества взаимно удовлетворялось въ случаѣ нужды потребительными благами изъ собственныхъ хозяйственныхъ богатствъ; точно такимъ же образомъ развилось „денежное хозяй-

ство“. Мѣна блага на равноцѣнныя—in natura—видоизмѣняется при посредствѣ денегъ.

Слѣдующею высшею ступенью народно—хозяйственнаго развитія является кредитное хозяйство, въ которомъ, подъ государственной безопасностью, производятся обороты, представляющіе родъ мѣны, при которой нѣкоторыя цѣнности или услуги передаются другому лицу или совокупности лицъ по довѣрію.

Отъ благъ зависитъ удовлетвореніе нашихъ потребностей, а, слѣдовательно, наше благосостояніе. Поэтому мы дорожимъ ими и цѣнимъ ихъ. Такимъ образомъ цѣнность блага имѣетъ то великое для насъ значеніе, что мы сознаемъ зависимость отъ нея удовлетворенія нашимъ потребностямъ, а слѣдовательно, и зависимость нашего благосостоянія. Всегда и у всѣхъ народовъ самый распространенный мѣновой оборотъ приводилъ къ тому, что какой-нибудь товаръ получалъ характеръ всеобщаго средства мѣны. Такимъ товаромъ была, конечно, вещь, имѣвшая равную цѣнность для всѣхъ, благодаря своимъ постояннымъ качествамъ, вслѣдствіе чего на нее и можно было промѣнять другія вещи. Эта эволюція имѣетъ свое основаніе въ недостаточности непосредственной мѣны. Если кто нибудь хотѣлъ непосредственно мѣнять блага, какъ напр. скотъ, хлѣбъ на другія блага, напр. одежду, плугъ и т. п. не легко находилъ онъ готовыхъ къ такой мѣнѣ; она была трудно исполнима вслѣдствіе трудной дѣлимости данныхъ благъ, или вслѣдствіе какихъ нибудь другихъ внѣшнихъ причинъ. Ощущаемая потребность благъ, которыя побѣждаютъ трудность ихъ взаимной мѣны, и обладаютъ

способностью всеобщаго сбыта, вызываетъ установленіе какого—нибудь блага, какъ всеобщаго средства мѣны, или благодаря соглашенію, вытекающему изъ взаимнаго общенія людей, или, чаще всего, черезъ государственные императивы. Такимъ средствомъ всеобщей мѣны являются деньги.

Цѣна опредѣляется массой благъ, получаемыхъ при мѣновомъ оборотѣ. Тамъ, гдѣ въ употребленіи всеобщее мѣновое благо—деньги, подъ цѣною понимается обыкновенно то количество денегъ, которое получается при мѣнѣ за какое нибудь другое благо. На низшей ступени культурнаго развитія человѣчества употреблялись различныя средства мѣны и платежа. Кромѣ драгоцѣнныхъ металловъ, скота, мѣховъ, самымъ распространеннымъ видомъ мѣновыхъ объектовъ была соль. Самымъ же драгоцѣннымъ объектомъ мѣны былъ скотъ, который являлся первой монетарной единицей у всѣхъ индо—германскихъ народовъ. Илліада вполнѣ подтверждаетъ послѣднее положеніе.

Первая чеканка монетъ имѣла мѣсто въ Вавилоніи и Египтѣ 2000 лѣтъ до Р. Хр., и это всеобщее средство мѣны мало по малу распространилось на Западѣ; въ Малой Азіи монета появилась около 709 г. до Р. Х., въ Римѣ около 268 г. до Р. Х.

Съ расширеніемъ денежнаго оборота, появился у народовъ, занимавшихся преимущественно торговлею, институтъ банковъ, въ смыслѣ учрежденій, облегчавшихъ денежный оборотъ.*)

(*Такія учрежденія извѣстны въ Вавилоніи еще въ VI. в. до Р. Х. (Revillout). Въ вавилонскихъ

Банкъ принимаетъ денежныя вклады для опроцентованія, принимаетъ депозиты, за что удерживаетъ извѣстный % даетъ свои капиталы въ обмѣнъ за долгосрочное обязательство или залогъ: выдаетъ вмѣсто наличныхъ денегъ банковыя билеты, предъявитель коихъ можетъ получить равноцѣнность ходячею монетою; выдаетъ ссуды подъ залогъ и т. п.

КРЕДИТЪ.

Всевозможныя платежи, учиняемые въ болѣе или менѣе продолжительные сроки именуются кредитнымъ общеніемъ. Такія срочныя сдѣлки называются „кредитными" платежами въ отличіе отъ „наличныхъ". Нормальный случай „наличной" сдѣлки: услуга за услугу теперь; при „кредитной" —услуга теперь, вознагражденіе въ будущемъ. Бываютъ случаи, въ которыхъ услуга и вознагражденіе имѣютъ мѣсто въ будущемъ, смотря по договору. Специфическимъ моментомъ „кредитныхъ" сдѣлокъ является довѣріе: оно играетъ

лѣтописяхъ Варки банкирскій домъ Игибовъ играетъ такую же роль, какъ нынѣ Ротшильдъ. Его дѣятельность была многоразлична: принимались и исполнялись порученія платежей.

такую важную же роль, какъ и обезпеченіе долга*) (недвижимостью, движимостью или процентами).

Изъ разнообразія формъ, въ какихъ выступаетъ кредитъ, вытекаетъ разнообразіе кредитныхъ сдѣлокъ. По цѣлямъ, ради которыхъ совершаются кредитныя сдѣлки различаютъ два вида кредита: кредитъ для „потребленія“ и кредитъ для „производства“. Производство нужно разумѣть какъ производство матеріальныхъ цѣнностей.

Важно дѣленіе кредита по личности заемщиковъ и кредиторовъ: А) публичный кредитъ, В) частный кредитъ и С) кредитъ общественный.

А). ПУБЛИЧНЫЙ КРЕДИТЪ (кредитъ государственный, публично-правовыхъ обществъ) основывается главнымъ образомъ на доброй волѣ къ уплатѣ кредитующагося.

---

*) Небеніусъ и Рау, представители школы экономическихъ наукъ, говорятъ, что кредитъ есть довѣріе, предполагаемое при обѣщаніи платежа и способность доставить себѣ равноцѣнность взамѣнъ за подобное обѣщаніе. Ротеръ говоритъ, что кредитъ есть свободная авторизація распоряжаться чужими благами взамѣнъ обѣщанія равноцѣнности. По мнѣнію Милля кредитъ есть разрѣшеніе пользоваться чужимъ капиталомъ. Вагнеръ называетъ кредитомъ тотъ частнохозяйственный оборотъ, ту добровольную мѣну хозяйственныхъ благъ между двумя лицами, при которыхъ услуга за услугу въ будущемъ одного—опирается на довѣріе другого. Самое обширное, но вмѣстѣ съ тѣмъ самое точное мнѣніе по этому поводу высказалъ Филипповичъ въ „Очеркѣ полит. экономіи“. Кредитъ, говоритъ онъ, есть отношеніе между нѣсколькими лицами, въ силу котораго одно лицо на основаніи оказанной услуги требуетъ равноцѣнности.

В). ЧАСТНЫЙ КРЕДИТЪ. При частномъ кредитѣ принимается во вниманіе довѣріе къ способности платежа со стороны должника. Кредитующійся или даетъ обѣщаніе исполнить обязательство взамѣнъ за кредитъ, или же даетъ особыя гарантіи за его исполненіе. По этому кредитъ дѣлится на „личный“ и „реальный“.

а). Различіе частнаго и личнаго кредита состоитъ въ личности должника и способѣ реализаціи долга. Личный кредитъ основывается на личности кредитующагося, на его индивидуальныхъ кредитоспособныхъ свойствахъ. При личномъ кредитѣ обезпеченіемъ въ полученіи равноцѣнности служатъ всѣ хозяйственныя силы должника, вся его дѣятельность, словомъ все то, что связано съ понятіемъ о личности. Сюда примыкаетъ кредитъ личный съ поручительствомъ, когда то же личное обезпеченіе представляетъ не одинъ должникъ, но и нѣсколько другихъ лицъ, поручившихся за уплату въ случаѣ его несостоятельности.

б). Кредитъ реальный, когда вѣритель имѣетъ имущественное обезпеченіе, заключающееся въ какой либо матеріальной цѣнности. Онъ выступаетъ въ формѣ 1) закладного листа и 2) ипотечнаго кредита.

1)— Закладной кредитъ имѣетъ мѣсто, когда движимая вещь служитъ кредитору обезпеченіемъ. Закладной кредитъ въ своемъ развитіи проходитъ нѣсколько ступеней. Примитивная ихъ форма—это ссудныя кассы, имѣвшія большое распространеніе въ средніе вѣка. Этого рода кредитомъ пользуются или малоимущіе классы или же богатые люди для цѣлей потребленія. Однимъ

изъ видовъ закладного кредита является ломбардный кредитъ: имъ пользуются люди, занимающіе капиталъ для производства, а обезпеченіемъ возврата ссуды служатъ различныя цѣнныя бумаги). По мѣрѣ развитія хозяйственной жизни предметами, обезпечивающими полученіе равноцѣнности, начинаютъ служить товары, нерѣдко громоздкія произведенія сельскаго хозяйства и фабрикаты. Товары эти хранятся въ „докахъ“, а росписка за храненіе „варранты“ обезпечиваетъ возвратъ ссуды кредитору.

2)— Ипотечный кредитъ имѣетъ главное значеніе для землевладѣльцевъ и домовладѣльцевъ. На низкомъ уровнѣ культуры вѣритель получаетъ право владѣнія и распоряженія заложеннымъ недвижимымъ имуществомъ; позднѣе онъ получаетъ лишь право требованія, пріуроченное къ извѣстному имуществу кредитующагося: право же владѣнія и распоряженія не переходитъ къ нему, а остается за должникомъ.

Частный кредитъ дѣлится еще на: 1) сельско—хозяйственный или земледѣльческій, 2) мелкоремесленный, 3) коммерческій—промышленный.

Для пользованія земледѣльческимъ кредитомъ служатъ т. н. волостныя кассы, сберегательныя кассы, сельско—хозяйственныя институціи и ипотечные банки. Ремесленники получаютъ кредитъ въ „обществѣ взаимнаго кредита“, въ народномъ, ремесленномъ, кредитномъ банкахъ, а также сберегательной кассѣ. Купцамъ же, банкирамъ и крупнымъ промышленникамъ даютъ кредитъ въ собственномъ смыслѣ банки.

1)— сельско—хозяйственный кредитъ можетъ быть „движимый“ и „недвижимый“; основаніемъ

для перваго служитъ живой и мертвый инвентарь, а также летучій капиталъ (наличныя); для второго основаніемъ является сама земля, какъ и находящіяся на ней постройки. Такія основанія кредита приняли банки Райфайзена. „Недвижимый" кредитъ представляетъ для кредитора большую гарантію, чѣмъ „движимый", такъ какъ его основаніемъ служитъ сама земля, съ находящимися на ней постройками включительно.

2)— Мелкоремесленники получаютъ ссуду въ вышепоименованныхъ учрежденіяхъ; онѣ представляютъ собою соучастническія институціи для посредничества кредита: институціи, которыя даютъ и берутъ кредитъ на собственный счетъ. Главная ихъ цѣль состоитъ въ томъ, чтобы дать кредитъ лицамъ, заслуживающимъ его въ качествѣ производительнаго капитала 1) на короткій срокъ, 2) во всякое время, по мѣрѣ нужды 3) по возможно низкому %.

3)— Коммерческій и крупнопромышленный кредитъ удовлетворяется главнымъ образомъ банками.

С. ОБЩЕСТВЕННЫЙ КРЕДИТЪ выступаетъ въ двухъ формахъ: 1) „пріорной облигаціи" и 2) „закладныхъ листовъ".

1)— пріорныя облигаціи суть принимаемыя желѣзными дорогами или промышленными обществами ссуды въ залогъ за свои владѣнія, какъ напр. за землю, продуктъ производства и т. п.; такимъ образомъ онѣ представляютъ собою лишь долговыя обязательства этихъ обществъ. Акція же, какъ пай предпріятія въ выигрышѣ дѣлима, и поэтому ея процентъ измѣнчивъ; обладатель же „пріорной облигаціи" не пользуется % съ пая въ зависимости

отъ курса, а получаетъ извѣстный, фиксированный доходъ, да кромѣ того имѣетъ извѣстныя преимущества. Дивидендъ „пріорной облигаціи“ имѣетъ преимущество передъ дивидендомъ акцін и въ случаѣ ликвидаціи предпріятія: требованіе ея обладателя исполняется предпочтительно передъ требованіемъ акціонера. Такимъ образомъ акціонеръ является съ одной стороны компаніономъ предпріятія, а съ другой—должникомъ обладателя пріорной облигаціи.

2)— Закладные листы выдаются на основаніи ипотекъ ипотечными банками, сберегательными кассами. Большинство ипотечныхъ банковъ дѣлаетъ свои обороты большимъ числомъ долговыхъ закладныхъ листовъ и малымъ капиталомъ, состоящимъ въ акціяхъ.

I. Банкирскія операціи.

Значеніе банковъ и банковыя дѣла вообще.

Слово „банкъ“ употребляется въ болѣе широкомъ и болѣе узкомъ смыслѣ. Въ послѣднемъ случаѣ „банкъ“ означаетъ учрежденія, собирающія большія или меньшія суммы, для которыхъ владѣльцы ихъ не находятъ на короткое время лучшаго примѣненія. Цѣль ихъ заключается въ облегченіи взаимныхъ платежей вкладчиковъ, кассы которыхъ соединены въ банкѣ. Вознагражденіемъ для банка въ подобныхъ случаяхъ служитъ то, что ему пре-

доставлено вкладчиками право быть должникомъ части депозитовъ, остающихся у него въ среднемъ въ промежутокъ времени 6 мѣсяцевъ при долгосрочныхъ вкладахъ, и 3 мѣс. при краткосрочныхъ вкладахъ. Въ Англіи главнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ употребляется слово „банкъ". Въ Германіи тоже „банковыя вклады" означаютъ такія вклады которые не исключаютъ права вкладчика вынуть свои капиталы въ короткое время.

Въ болѣе широкомъ смыслѣ примѣняютъ слово „банкъ" во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одна сторона является кредиторомъ, а другая, естественно должникомъ. Такъ, банками называютъ тѣ коммерческія учрежденія, въ которыхъ выдаются ссуды, въ обмѣнъ за облигаціи безсрочныя или долгосрочныя, практикующіяся главнымъ образомъ въ спеціальныхъ „Ипотечныхъ банкахъ".

Операціи ипотечнаго банка состоятъ въ томъ, что онъ даетъ ссуды помѣщикамъ въ закладъ за ихъ же недвижимое имущество или для улучшенія сельско—хозяйственнаго производства, или же для выдѣла сонаслѣдниковъ. Банками стали также называть предпріятія круговой поруки (взаимнаго кредита), страховыя и акціонерныя предпріятія.

Происхожденіе и развитіе банковъ.

Нынѣшніе банки исторически примыкаютъ къ исторіи торговли малыхъ итальянскихъ республикъ въ средніе вѣка. Тамъ они получили свое первоначальное развитіе благодаря накопленію всемірной тогдашней монеты вслѣдствіе крестовыхъ походовъ. Для облегченія взаимнаго платежа при

различныхъ сдѣлкахъ обладатели капиталовъ помѣщали ихъ въ этихъ банкахъ, въ книгахъ которыхъ они имѣли свой счетъ (conto).Эти взаимные платежи при содѣйствіи банка производились соразмѣрно съ количествомъ наличныхъ денегъ. Поэтому они стали называться Жиро—банки (мѣра)*).

Важною причиною учрежденія и развитія банковъ было то обстоятельство, что государства поддѣлывали ходячую монету, что, конечно, не только не могло пойти въ пользу подданныхъ, которые пользовались въ своихъ взаимныхъ сдѣлкахъ установленной монетой, но и сильно подрывало кредитъ.**)

---

*)Миланскій профессоръ докторъ Элія Латтесъ нашелъ въ Archivo dei frari въ Венеціи лѣтописи, на основаніи которыхъ учрежденіе банковъ относится къ 1587 году; но это невѣрно, такъ какъ уже въ 1401 году въ Испаніи была извѣстна „Tau la de cambi“ а въ Генуи въ 1407 „Casa bi St. Giorgio“.

**)Въ 1706 г. когда, амстердамская торговля начала процвѣтать, банкирами для мѣстныхъ купцовъ были ихъ собственные кассиры, которые не замедлили выбирать для себя настоящія монеты и переплавлять ихъ въ слитки. Эти и тому подобныя мальверсаціи вызвали государственное учрежденіе „Амстердамскаго Банка“. Вслѣдъ затѣмъ появились банки Гамбургскій (1819 г.), Нюренбергскій (1621), Роттердамскій (1635) и Шведскій. По мѣрѣ развитія промышленности ощущалась все большая потребность въ наличныхъ деньгахъ; особенно со времени появленія „Финансовой ноты Стюартовъ“.

Второю фазою развитія банковъ являются депозитные банки. Отличіе ихъ отъ жиро—банковъ состоитъ въ томъ, что они принимали вклады собственно для пользованія, между тѣмъ какъ Жиро—банки брали чистые депозиты, только на храненіе.

Третья ступень развитія банковаго дѣла представляется въ видѣ т. н. „ Hotenbank “ или „ Zettelbank “.

Первый изъ такихъ банковъ былъ учрежденъ братьями Perreire въ Парижѣ; онъ относится къ временамъ происхожденія „Credit mobilier“ (1852). Вслѣдъ за парижскимъ банкомъ были учреждены Дармштатскій Банкъ и Вѣнское Кредитное Учрежденіе. Главную ось ихъ дѣятельности составляютъ эмиссіи, конверсіи, что въ сильной степени вліяетъ на промышленность, торговлю, а также на государственные финансы.

Первой попыткой учрежденія банковскаго акціонернаго общества было Credit foncier (1852) во Франціи.

Банковыя операціи.

Подъ банковымъ дѣломъ слѣдуетъ понимать торговлю денежными обязательствами, средствами платежей (Valuta) и акціями. Поэтому отличаютъ

Съ этой цѣлью въ Англіи въ 1694 г. былъ учрежденъ общественный банкъ: „ The Governer and Company of the Bank of England “. Этотъ послѣдній банкъ привелъ къ учрежденію новомодныхъ банковъ.

слѣдующія его формы: собственно банковое дѣло (кредитное дѣло), торговля валютой и торговля акціями.

„Credit mobilier“, подраздѣляется на: 1) частное предпріятіе, 2) открытое общество, 3) командитное общество (скрытое общество), 4) акціонерное общество, 5) общество на паяхъ.

1) Частное предпріятіе есть предпріятіе единичной личности; его мы встрѣчаемъ часто у купцовъ. Его преимущество состоитъ въ постоянномъ ростѣ собственныхъ капиталистическихъ силъ; въ противостремленіи большой и долгосрочной задолженности; въ личной, исключительной, нераздѣльной и неограниченной рѣшимости соединенной съ неограниченной свободой распоряженія; въ способности перемѣщать капиталъ; въ точности контроля надъ работой; главнымъ же образомъ — въ томъ, чтобы самъ предприниматель не былъ чуждъ всѣхъ техническихъ сторонъ своего дѣла и чтобы такимъ образомъ могъ давать личныя указанія.

Въ новѣйшее время частныя предпріятія вытѣсняются все болѣе и болѣе, и замѣняются ассоціаціями. Также—само акціонерные банки со своими развѣтвленными отдѣленіями вытѣсняютъ частныхъ банкировъ; удерживаются на своемъ посту лишь крупные капиталисты, могущіе конкурировать съ акціонерными ассоціаціями.

2) Открытое общество (коллективное общество) примѣнимо болѣе къ предпріятіямъ, распространенымъ въ многихъ мѣстностяхъ, и обнимающимъ много отраслей. Оно пригодно тоже къ банковому обороту. Его преимущество состоитъ: въ соединеніи индивидуальныхъ капиталистическихъ силъ

въ рискѣ цѣлаго капитала всѣхъ; въ размноженіи сопредпринимателей для различныхъ отраслей и мѣстностей предпріятія. Невыгодныя стороны коллективнаго общества заключаются въ томъ, что его сбереженія поступаютъ въ частныя предпріятія отдѣльныхъ соучастниковъ вслѣдствіе ихъ разногласія, влекущаго за собою внезапное разрушеніе капиталистической силы въ раздѣленіи неограниченнаго риска, и въ недоразумѣніяхъ вытекающихъ изъ различія мнѣній лицъ, обладающихъ одинаковыми правами.

3) Командитное общество встрѣчается рѣдко. Оно состоитъ изъ двухъ частей: изъ скрытыхъ участниковъ и жирантовъ. Хорошія стороны такой институціи слѣдующія: увеличеніе капиталистической силы, возможность дать занятіе (и соотвѣтственное вознагражденіе) предпріимчивымъ талантамъ, и, наконецъ, неограниченная отвѣтственность жиранта. Недостаточныя ея стороны заключаются: въ попыткахъ самовоспользованія довѣреннымъ капиталомъ; и въ отчужденіи ихъ сбереженій для частныхъ цѣлей; въ раздѣленіи риска при исключительномъ правѣ распоряженія со стороны жиранта. Эта форма предпріятія часто встрѣчается во Франціи.

4) Акціонерное предпріятіе пригодно болѣе къ банковому обороту, чѣмъ къ торговому обороту товаромъ. Самыя соотвѣтственныя формы такого предпріятія слѣдующія: дисконтное дѣло, ломбардное дѣло и ипотечное дѣло. Его преимущество состоитъ въ быстромъ образованіи и расширеніи крупныхъ цѣлей; въ раздѣленіи опасныхъ рисковъ; въ планомѣрности накопленія капиталистическихъ силъ и оборота; въ постоянствѣ большихъ капи-

таловъ, и въ продолжительномъ кредитѣ. Дурныя стороны его: опасности его основанія; увеличеніи частныхъ интересовъ благодаря директорамъ и членамъ правленія; въ трудности своевременнаго и благовліяющаго контроля надъ управленіемъ.

5) Общество на паяхъ. Его хорошія стороны: образованіе и постоянное усиленіе капитала; стремленіе противъ безмѣрной и долгосрочной задолженности; рвеніе къ избранному предпріятію; органическая соразмѣрность относительно расширенія и измѣненія оборота; сбереженіе на мертвыхъ издержкахъ контроля и на неизбѣжной затратѣ капитала. Неудобства его состоятъ прежде всего въ трудности соединенія капиталовъ; въ его первоначальномъ недостаткѣ существенныхъ свойствъ, необходимыхъ для оборота; въ недостаткѣ въ принудительномъ авторитетѣ; въ вялости рѣшенія болѣе или менѣе нужныхъ перемѣнъ—цѣли предпріятія.

Банки представляютъ собою учрежденія, служащія для посредничества денежнаго и кредитнаго оборотовъ.

Это тѣ большія денежные резервуары, каналы которыхъ выходятъ на всѣ стороны, и которые служатъ для распространенія собранныхъ запасовъ. Во время кризисовъ они являются помощниками въ нуждѣ, такъ какъ они собираютъ свободные капиталы и ссужаютъ ими угнетенные хозяйственные слои. Это средніе пункты хозяйственной жизни и оборота. Поэтому банковое дѣло, вслѣдствіе своей важности, давно уже было предметомъ изученія экономистовъ, и литература по этому вопросу чрезвычайно обширна.

Когда говорятъ о банкахъ, обыкновенно имѣются

въ виду ассигнаціонные, т. е. тѣ банки, которые имѣютъ право издавать собственные банкноты, между тѣмъ какъ другіе банки раздѣляются на категоріи, соотвѣтственныя своимъ главнымъ операціямъ: на эскомптные, депозитные, ломбардные, „Credit mobilier“ и др. Самый дешевый кредитъ— въ ассигнаціонномъ банкѣ. Въ этомъ скоро убѣдились правительства и за монополію изданія собственныхъ банкнотовъ потребовали извѣстныхъ пожертвованій со стороны тѣхъ банковъ, такъ что многимъ этого рода банкамъ концессія обошлась очень дорого. Поэтому уже въ первое время возникновенія банковъ отличали исключительно „привиллегированные и концессіонные“, а также „свободные“ банки. Первые всегда — въ большей или меньшей зависимости отъ правительства и по большей части пользуются правомъ издавать собственные банкноты; это такіе банки, которые состоятъ въ постоянной финансовой связи съ государствомъ. Но, какъ извѣстно, государство не всегда надежный должникъ, а также не тотъ должникъ, который былъ бы заинтересованъ въ скоромъ реализированіи своего долга. Для подтверждения сказаннаго достаточно вспомнить положеніе Австрійскаго Банка, переименованнаго впослѣдствіи въ Австро—Венгерскій Банкъ. Только полный разрывъ съ государствомъ въ 60 годахъ ввелъ названный банкъ въ нормальную колею. Вопросъ: „Монополія или банковая Свобода“ все еще не разрѣшенъ въ теоріи.

Въ своемъ произведеніи „Банки“ Гюбнеръ по этому вопросу говоритъ слѣдующее: „Часто представляютъ банковую свободу, какъ банковую анар-

хію; спрашивается, что произошло бы, если бы всякому дозволено было издавать банкноты? Также точно можно бы спросить, что было бы, если бы всякій могъ выдавать векселя? Это, какъ извѣстно, никому не воспрещено и дѣло лишь въ томъ, чтобы нашелся желающій принять ихъ. Тоже самое происходило бы съ банкнотами. Еще ярче высказывается по этому поводу Горнъ въ своей „Свободѣ банковъ“. „Въ случаѣ несостоятельности должника, говоритъ Горнъ, ударъ поражаетъ подъ системой монополіи всѣ находящіяся въ ходу банкноты; подъ системою же свободы банковъ ударъ поражаетъ лишь ихъ часть.

Собственный интересъ заставляетъ свободные банки возвратиться возможно скорѣе къ нормальному состоянію; между тѣмъ при системѣ Монополіи дѣло иначе обстоитъ. На это указываетъ опытъ: прекращеніе платежей при системѣ свободы банковъ продолжается дни, въ крайнемъ случаѣ недѣли; при системѣ монополіи — цѣлые годы и даже поколѣнія“. Филипповичъ говоритъ; что выдающаяся роль, какую играютъ банкнотные банки въ кредитѣ и въ денежномъ обращеніи, была причиной особеннаго отношенія государства къ нимъ. Эти отношенія обнаруживаются въ отдѣльныхъ странахъ въ томъ, что упомянутые банки созидаются въ смыслѣ государственныхъ кредитныхъ учрежденій или управляются правительствомъ. Такимъ образомъ эти банки получаютъ характеръ болѣе общественныхъ учрежденій, чѣмъ частныхъ предпріятій, и государство вынуждено въ случаѣ прекращенія платежей со стороны должниковъ этого банка, котораго долговыя обязательства на рукахъ

у публики, оказать помощь реальную и при томъ непосредственную.

Большинство крупныхъ европейскихъ государствъ на практикѣ высказалось за ассигнаціонную монополію и строго держатся этой точки зрѣнія.

БАНКОВЫЯ ДѢЛА СЛѢДУЮЩІЯ:

1)— Ассигнаціонное
2)— Дисконтное дѣло (Эскомптное дѣло)
3)— Ломбардное
4)— Депозитное
5)— Жиро и Конто—коррентъ
6)— Мѣняльное дѣло
7)— Дѣло торговли валютою
8)— Инкассо
9)— Дѣло банковыхъ переводовъ
10)— Купля — продажа биржевыхъ бумагъ
11)— Credit mobilier, участіе въ государственной, приходской и городской ссудахъ (Эмиссіонное дѣло).
12)— Ипотечное дѣло.

Банки дѣлятся а) по пассивнымъ дѣламъ на: ассигнаціонные „Zettelbank", Депозитные банки, Ипотечные банки, б) по активнымъ дѣламъ на: Эскомптные банки, Ломбардные банки, в) Credit mobilier. Самое обычное дѣленіе банковъ на 1) нотные и 2) Банки невыпускающіе своихъ нотъ.

Галамбовъ.